

Алексей Бобрик

ДАР ПАВШЕГО

Восход Черного солнца

16+

ПРОЕКТ PROMETHEUS

Алексей Бобрик

**Дар Павшего: Восход
Чёрного Солнца**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бобрик А. П.

Дар Павшего: Восход Чёрного Солнца / А. П. Бобрик — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Молодой и стремительный Владивосток. Солидный и умудренный жизненным опытом Париж. Таинственный и неповторимый в своём одиночестве Ангкор-Ват. Что общего их может связывать? Наверняка, ответ знает древний храм ушедшей Империи, случайно обнаруженный вместе с разрушенной пирамидой в Приморском крае? А, может быть, этот секрет томится в мрачных катакомбах Святой Инквизиции? Или же, истина находится в скрижалях древних артефактов, искусно выполненных забытыми древними мастерами? Возможно всё, но несомненно то, что когда-то этот пазл всё-таки сложится. А пока, что за всем этим с интересом будет наблюдать Она — Хранительница ветвей Древа Времени.

Дар Павшего: Восход Чёрного Солнца Вступление

Эта история начинается после того, как наш будущий герой случайно встречается старого друга, занятого реставрацией древнего почти полностью разрушенного храма, найденного в приморской тайге.

И когда он узнаёт о событиях, связанных с этим местом, запускается механизм, меняющий всю суть бытия окружающего мира.

Тайны, берущие своё начало тысячи лет назад, переплетаются с современностью и некой игрой иномировых сущностей. А ключом ко всему служит артефакт, оставшийся от исчезнувшего в средневековье народа.

Иное. Одна маленькая история, приключившаяся между Мирами

...Завершился Великий Оборот, и наступило звенящее время Заката миров. Само Пространство затаилось в ожидании грядущих перемен. Время вздрогнуло, когда Она снова вспомнила всё. Всё, что будет.

И опять, повинувшись вечному зову, пришёл Он – Павший Бог, не с неба сошедший...

***

Изначальный Прокуратор Истока оценивал возникающие экстремумы вероятностей, когда заметил эту рябь.

«Опять этот сектор. Как же я устал... Она всё ещё слишком молода и снова ведёт себя, как несносная девчонка. Туманы Вероятностей и Тьма Исхода – это всё предсказуемо, но допускать Рябь Возможностей? Этого не позволяет себе ни одна Ветвь!» – вскрикнул он.

«...Древо Времени. Какое ёмкое название, – задумался древний Протектор Сушего. – А ведь когда-то мне всё это было интересно. Видимо, настала пора искать преемника. Вот проведу этот цикл – и на покой. А пока что снова придётся выравнивать слои...»

И хоть говорил он одно и то же уже не первую тысячу лет, в этот раз было видно, что он действительно очень устал.

«Как же давно это было, а как будто бы вчера», – Прокуратор с удовольствием откинулся в своём любимом бержере из кожи реликтового Звёздного Змея и углубился в нахлынувшие воспоминания.

***

– А как мне понять, что настало время гасить Искру? – скорее формально, нежели действительно нуждаясь в ответе, спросила Она.

– Ответ на твой вопрос кроется в самом вопросе, – по-философски начал отвечать Наставник, – и ответ этот и есть Время. Время, чьи Ветви ты призвана хранить, имеет абсолютно чёткие пределы. У него нет начала и конца, но оно конечно в своей бесконечности.

– И из него питается Великое Древо!

– Абсолютно верно. Время – это одна из незыблемых констант Всеобщего. Его не много и не мало. Его ровно столько, сколько нужно!

– Как же тогда определить мерил для отсечения?

– Это непросто. Иногда приходится перестраховываться. Ты наверняка слышала, что Сущее из миров забирает первыми самых умных, талантливых и перспективных?

– Конечно, и это всегда было для меня загадкой. Я бы такого никогда не допустила.

– А вот это и есть самое сложное, – вздохнул Прокуратор. – Настала пора тебе узнать истину. С этого момента обрывать их Искры придётся тебе самой.

– Но почему? – искренне удивилась Она. – Наоборот, надо...

– Тихо, тсс... – прервал её наставник. – Сначала до конца вкуси истину Хранения, а затем делай выводы. Как я сказал ранее, Время – это абсолютная константа. Его не много и не мало, а...

– А столько, сколько нужно!

– Верно, ты быстро учишься. Так вот, Самые Лучшие в своих пилатиусах вбирают в себя очень много Времени. Они его просто пожирают. Им его катастрофически не хватает. И из-за этого его начинает не хватать другим.

– Ааа... Вот оно что. Про этот аспект я как-то не подумала.

– Все Хранители это узнают в самый последний момент. Ибо узнав, что они будут выискивать и гасить Искры самых лучших...

– Мало кто дошёл бы до конца Пути.

– И опять верно. Но ты не должна об этом переживать. Истинную свободу можно получить лишь избавившись от тесной оболочки. Ведь в Сущем всё идёт по кругу...

– Круг перерождения! Дерево всегда должно подпитываться равномерно и незыблемо. Иначе возникнет диссонанс и этим незамедлительно воспользуются Они! А это уже угроза.

– Это не просто угроза, это будет конец Искры самого Хранителя, ибо высушившую Ветвь Хранитель начинает питать из собственного Источника.

– самого Хранителя? Учитель, я слышала, что Хранители бессмертны и бесконечны в своей прозрачности пред Грядущим.

– В этом мире нет ничего бессмертного. И от Грядущего не скроешься в бесконечной прозрачности. К сожалению. И эту истину многие узнают только в конце Пути. Тебе же следует узнать её в начале. Относительно бессмертны лишь Странники, которые могут шагать по Ветвям. Но это уже другая история, ибо и они могут угасать от множества разных факторов, и, увы, они не так уж и долго пребывают в этом мире.

– Скажи, как Странники учатся шагать по Ветвям? Им кто-то помогает, их кто-то учит?

– Конечно. Поймать свою Искру им помогают Хранители. И ты сама когда-нибудь зажжёшь звезду своего Странника, главное – не упустить этот момент. А насчёт того, что их учат – это не так, ибо это призвание, а не приобретаемая способность. Посуди сама: если скульптор расскажет, как он творит свои произведения, толпе, много ли людей из этой толпы станет скульпторами?

– Представляю: «Отделите от камня всё лишнее и получите скульптуру!» – продекламировала Она.

– Примерно так. А что касается Хранителя... Тут всё ещё сложнее.

– Но...

– Никаких «но»! Как ты считаешь, если Хранители воистину бессмертны, а Река – это нерушимая константа Сущего, то откуда тогда появилось вакантное место для новой Хранительницы – для Тебя?

– Извини меня, Учитель. Я была глупа. Это в последний раз!

– Не зарекайся, – вздохнул тот, кого называют Учителем.

***

Поняв всё, что было нужно и наконец-то вступив в законное право быть Корректором Ветви, Она долго не могла отойти от состояния полнейшей эйфории. Это длилось долго – не менее Оборота, а может, и целый Цикл.

Но, как это и должно было случиться, бесконечные залы Курации, наполненные эманациями Сущего, стали слишком тесны и скучны. Особенно в период междустрочия.

И тогда Она решилась на крайне безумный и нелогичный поступок – разумеется, не с Её точки зрения, а с точки зрения Устоев. Она решила выйти во внешний предел Ветви, в один из интереснейших с её точки зрения миров-пилатиусов.

Целью своего визита Она выбрала старинный по меркам этого мира город под названием Эльсестуций, известный своими лидирующими позициями в культурном и политическом развитии и расположенный посреди огромного материка, именуемого на местном наречии Таллероссумусом.

По численности населения этот город был не так уж велик. Его официально озвучиваемое население едва достигало ста тысяч человек, но это регулировалось специально, чтобы там могли поселиться только граждане, достигшие высокого социального статуса. Но благодаря окружным сателлитам, а также наличию у каждого «статусного» человека семьи и рабов, численность населения города была на порядок выше. Не менее миллиона.

Этот прекрасный город был посвящён Богине Света. Что в дальнейшем и сыграло с ним роковую и очень злую шутку.

«Богиня Света, как это поэтично звучит, – подумала Она. – Надо бы предстать перед ними во всей подобающей красе, но не особо выделяясь. Быть скромной, но не замухрышкой какой-нибудь. Вот, например, этот образ мне очень к лицу», – посмотрела на себя со стороны Она и тотчас же появилась близ города в виде выходящей из ауры туманной зари молодой девушки с сияющей диадемой на голове.

***

В древности, а основан он был за три тысячи местных лет до момента Её появления, город выделялся среди себе подобных городов процветающим здесь культом богини Зари и Солнечного Света, а позднее – просто Света. Как вполне резонно считается, возвысился он над остальными мегаполисами Империи лишь благодаря протекции этой небожительницы. В честь этого жители города возвели великий храм, признанный одним из величайших чудес мира.

Тогдашний царь Эврисхациус Мудрый, имя которого со временем стало синонимом мудрости в правлении, не жалел средств и усилий на украшение храма Богини всё новыми изваяниями и надстройками. Также он выступал в качестве главного мецената, покровительствующего науке и искусству. Поэтому со временем в честь него была открыта в одном из крыльев Храма сначала библиотека, а затем и «Академия всеобщих знаний о мире и жителях Сфер, небом именуемых».

После кончины Эврисхациуса правило ещё много достаточно мудрых правителей, которые в конечном счёте и привели инфраструктуру города к пику её развития.

Город хоть и не был столицей Империи с административной точки зрения, но был столицей всей культурной и научной жизни, куда стекался весь цвет общества.

За накопленными за три тысячи лет существования мудростью и знаниями стекались все мало-мальски значимые персоны этого мира. Разумеется, не задаром. Деньги от этих взносов текли рекой, и город продолжал хорошеть.

Были построены акведуки, новые библиотеки и универсариумы, общественные термы и даже два огромных театра: светский театр комедии и трагедии и экзархиусский театр «Божественной сути Света». Но главной достопримечательностью города стала его центральная улица, спускавшаяся прямо к подножию холма, на котором он стоял. Она была богато украшена колоннами, портиками, статуями и иными всевозможными архитектурными изысками. Конечно, всё это богатство форм было позолочено, натёрто до блеска и сверкало на солнце, как само светило.

Эта улица именовалась в честь самой Богини, и по ней сейчас неспешно шагала Она, с нескрываемым удовольствием рассматривая полюбившиеся городские виды и наслаждаясь восторженными взглядами его жителей, которые, раскрыв рты, неотступно следовали за Ней, буквально облепив со всех сторон, но не смея к Ней прикоснуться.

И вот, шагая по широкой дороге, выложенной мраморными плитами, на которой без труда смогли бы разминуться четыре лошадиных повозки, в скором времени Она достигла главных ворот Храма Богини Света, стоявшего на вершине городского холма. Сами ворота были деревянными, но обшитыми пластинами из настоящего золота. Стражники, стоявшие по обеим сторонам прохода, чередовались с огромными статуями каких-то богов и героев древности. Всё это должно было поражать взгляды приезжих людей и постоянных прихожан своим величием и совершенством.

Но не внешнее великолепие строения давало Ей неопишное эстетическое и визуальное наслаждение, а то, что и здесь поведение людей с точностью повторяло виденное за воротами Храма. Все, кто находился внутри, включая грозных стражей, стали с обожанием пялиться на неё. Некоторые даже пали ниц, а может, и в обморок.

«Это всё от моей красоты. Ради этого стоило оставить скучные Курации. Иногда надо вспомнить, что такое настоящая жизнь тех, за кого ты в ответе. Тем более, что всё так замечательно получилось», – подумала Она и пошла дальше в глубину Храма.

***

Верховный жрец Храма Богини Света города Эльсестуция стоял, воздев руки к небу и воздавал богам положенные по случаю праздника сбора урожая почести. Рядом с ним стояла раскалённая докрасна жаровня, до краёв наполненная пылающими углями, на которых в скором времени должны были быть воскурены ароматные травы, собранные с полей и лесов всей курии.

Сделав последние положенные по ритуалу пассы руками, жрец развернулся лицом к залу, чтобы произнести торжественную речь. И тут увидел Её.

В самой середине зала Всеобщих молитв, в ауре колышущегося, как от жары, воздуха, благоухая всеми ароматами летнего луга, стояла высокая, грациозная, очень нежная и женственная юная полуобнажённая девушка. Она выглядела будто высеченной из цельного куска полупрозрачного розового мрамора. Из одежды на девушке была только невероятно тонкой работы диадема из сияющих самоцветов и туника будто сотканная из утреннего тумана.

Мудрый жрец сразу же понял, что в мир явилась Она – Солнечная Богиня, которой он так усердно молился вот уже пятый десяток лет.

Но несмотря на долгие годы служения и жажды встретиться с Ней, его сердце предательски ёкнуло и бешено заколотилось, будто желая вырваться из груди, а ноги вдруг перестали держать грузное тело. Жрец пошатнулся и в тщетной надежде устоять опрометчиво ухватился за раскалённую жаровню. Он вовремя одёрнулся, но, не выдержав такого насилия, чугунная чаша перевернулась и с грохотом укатилась в сторону даров, собранных по случаю Дня сбора урожая, разбрасывая во все стороны раскалённые угли...

***

Пожар начался почти моментально. Сначала занялись снопы зерна и сена, заботливо принесённые прихожанами в храм, затем жуткую эстафету подхватила деревянная мебель, а следом – стены, покрытые золотой и, как выяснилось, очень горючей краской. Охватив храм, пламя перекинулось на соседние кровли, и вскоре весь квартал, а затем – весь город полыхал, как огромный костёр.

То, что город стоял на нескольких возвышенностях, а его центральная часть была возведена на самом высоком и обдуваемом всеми ветрами холме, дало огню страшную по своей неумолимости дополнительную фору – воздушную тягу, как в печной трубе.

Огненный вихрь носился по городу со скоростью боевой колесницы, буквально с каждой минутой разрастаясь вдвое. Отовсюду доносились крики и вопли тех, кто погибал под обломками рушившихся от жара зданий. Погибали люди, а вместе с ними уходили в вечность величественные дворцы, монументальные здания и драгоценные древние предметы уходящего в небытие культа Богини Света.

Та, кого приняли за Богиню, стояла и в ужасе смотрела на зарождающийся огненный апокалипсис.

***

В относительной близости от основных городских построек, там, где начинались обширные пшеничные поля, соседствующие с вековым лесом, строился огромный корабль. Основные этапы строительства были практически завершены, оставалось только спустить его на воду, для чего были заботливо подведены деревянные рельсы и собрано множество брёвен для перекачки. Этот корабль представлял из себя некую смесь драккара, фрегата и ещё непонятно каких разновидностей судов. Судя по всему, основной целью его постройки была торговля, а не война. Во временных постройках рядом находились обширные запасы различных товаров, готовых к погрузке, а также томились в ожидании всяческие домашние животные и птицы.

И вот Она, воспарив над пламенеющим адом, увидела этот корабль и тотчас приняла решение о спасении остатков города. Для этого нужна была вода, очень много воды. И взять её можно было только из одного места – из Иного, межзвёздного пространства...

***

Немногие оставшиеся в живых обитатели города на всю жизнь запомнили эту эпохальную картину. Из вмиг разверзшихся небес полил дождь, сильнейший из когда-либо проливавшихся на землю. Но и его было недостаточно для быстрого тушения пожара. Воды катастрофически не хватало. И тогда Она, видя тщетность своих усилий, решила усилить разрыв в Чаше небес...

***

Ослепительной красоты обнажённая девушка, уже без ореола из запахов летних трав, где-то потерявшая свою чудесную диадему и тунику из ауры туманной зари, стояла на холме недалеко от города и в панике наблюдала, как одна стихия, уничтожившая трёхтысячелетний город, сменяет другую.

Разверзшиеся небеса полностью покрывали слоем бушующей воды то место, где совсем недавно царил грозное пламя. Город вместе с холмом и всеми близлежащими районами стремительно уходил под воду, а Она ничего не могла с этим поделать: оставшихся сил уже не хватало, чтобы закрыть портал.

«Если звёздный портал Иных миров не закрыть, в течение совсем короткого времени всю эту планету покроет слой воды», – с ужасом поняла Она.

И тогда Она обратилась к единственному существу во вселенной, кому могла довериться в своём бессилии.

***

Прокуратор на Неё не гневался. Он вообще никогда на Её памяти не гневался. Он просто всегда знал, что нужно делать. И всегда учил тому же. «Вот только такой мудрости я ещё не скоро наберусь», – подумала Она, увидев, как Протектор Сущего с лёгкостью и небрежной деловитостью разобрался с её выходкой.

– Всё, твой портал я закрыл. Перед Срединной Ветвью сама будешь извиняться. Тут я тебе не помощник, – устало произнёс мастер.

– А что делать с таким количеством воды? Она явно будет лишней на этом пилатиусе. Мне её придётся изымать и обратно перемещать? – Она с тоской подумала о предстоящей рутине.

– Нет, у меня возникла одна мысль, как решить эту проблему. Держись покрепче...

Слившись с пространством планеты, Изначальный Прокуратор произнёс слова, вызвавшие эманацию Истока. Земная сфера вздрогнула и раскололась, образовав огромный разлом, куда и хлынули все воды, пролившиеся из Иных миров.

Дабы не допустить новой катастрофы, Протектор тщательно контролировал весь этот процесс, а когда спустя много томительных часов дело было завершено, с нескрываемым удовольствием в голосе сообщил:

– Я ни за что не позволю моему любимому детищу погибнуть под водой. Я ненавижу воду. Этой Проекции суждено погибнуть по совершенно иным причинам, и случится это оочень не скоро... Даю своё слово!

– Я преклоняюсь, – произнесла Она и действительно сделала попытку поклониться.

– Это уже лишнее, – остановил её Учитель. – Всё не так уж и плохо. Дай мне слово не повторять в будущем таких необдуманных выходок. И я успокоюсь.

– Это вне всяких сомнений. Клянусь своей Ветвью! – тотчас же было торжественно объявлено с самым серьёзным выражением на лице.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Наставник. – А людям за их страдания достанется самое глубокое и кристально чистое в их мире озеро. С самой чистой в этой Сфере водой – водой, забранной из Мира звёзд. Кстати, я всё-таки придумал для тебя наказание.

– Какое? – напряглась Она.

– Ты будешь весь свой Путь следить, чтобы вода в этом озере продолжала оставаться прозрачной и чистой, как слёзы. Слёзы тех, кто здесь жил...

– Но как же я смогу совмещать Курацию Ветвей и твоё задание? Я, конечно, не хочу увильнуть от ответственности, а просто прошу совета, – сказала Она, потупив взор.

– Это очень просто: найди истинных Хранителей и делись с ними своими эманациями! И ещё: твоя Диадема так и останется лежать на дне этого озера. Не вздумай её оттуда доставать! – прогремело из Сущего.

***

Прошло несколько долгих дней с тех пор как на лике планеты образовалось неопишное по красоте и величайшее по чистоте и глубине озеро.

Следы великого потопа полностью растворились, и в окрестные леса и степи вновь вернулась жизнь.

На зеркале воды царил безмятежное спокойствие, нарушаемое лишь одним действием – по нему плыл корабль. Это была неопишная смесь драккара, фрегата и ещё некоторых видов судов. На его борту находились уставшие люди вперемешку с домашними птицами и животными. Они молча глядели вдаль, выискивая подходящую бухту-пристань, куда можно было бы причалить кораблю.

Все молчали, кроме одного человека. Он пребывал в нескончаемой эйфории и постоянно молился, воздевал руки к небу и кричал:

– Это всё за грехи наши! Это мы, мы сами во всём виноваты! Это воздаяние Богини! И мы это заслужили: мы развели разврат и грехопадение! Мы молились Золотому Свету, а не Свету Богини Солнца! Я буду нести Её слово по миру и всем расскажу, как Она милостива и справедлива!

– Успокойся, Неойус, и пойдёшь, – тихонько произнесла женщина, сидевшая на палубе возле этого мужчины. – Этот пожар и потоп, возможно, и был нам уроком Солнечной Богини за грехи. Но теперь наступит новая эра...

Пролог

Выныривая из очередного крутого виража, которых так много на сопках Владивостока, недавно отремонтированная дорога устремлялась в прямо противоположную реальность, изобилующую рытвинами и раскисшими после ночного дождя грунтовыми тропинками. Это был чудом сохранившийся хвойно-лиственный лес, находящийся в новом районе. Район этот вырос на бывшей богом забытой окраине, которая вдруг оказалась почти центром города благодаря построенным мостам.

Летнее утреннее солнце почти скрылось за тучами. В сочетании с прохладой, идущей от тени могучих деревьев, от этого получилась весьма и весьма комфортная среда для любителей экстремального велоспорта, к коим и принадлежал Николай, который в порыве нахлынувшего благодатного настроения стремительно закладывал очередной вираж по тропинке, выющейся среди разлапистых деревьев.

Единственное, что могло его отвлечь от получаемого удовольствия, так это вечные надоедливые поскрипывания и потрескивания в деталях и механизмах старого, ещё довольно крепкого, хоть и раздолбанного, байка, который на своём веку успел повидать множество зелёных холмов с высокой травой, мрачных лесных троп с корягами и камешками, дорожных ям, наполненных мокрой грязью чуть ли не по пояс. Хоть байк и был видавшим виды, он оставался в довольно сносном состоянии, так что владелец не хотел менять его на новый, тем более, что сейчас очень тяжело найти качественное изделие по приемлемой цене.

«Со всеми этими долбаными валютными курсами свихнуться можно нормальному человеку. Стоящую вещь купить даже у китайцев на Спортивке стало уже практически невозможно. Одно фуфло контрафактное да срам сплошной лежит в магазинах. Копить на что-то приличное по полгода приходится... О, блин, чуть об ветку башкой не долбанулся. Ещё и без шлема сегодня поехал. Так, всё, больше не отвлекаться... Настроение себе только портить...»

В очередной раз порядком пропотев, миновав «мою прелесть», как он называл один затяжной и очень крутой подъём, Николай оказался на вершине небольшого холма, где располагался большой военный форт царских времён. В настоящее время от его бывшего величия остались лишь могучие многометровой толщины стены, окружённые высоким насыпным рвом с бетонными вставками, где раньше находились дозорные посты и наверняка стояли пулемёты или даже небольшие пушки.

Сейчас же это место принадлежало не военным, а туристам и иногда использовалось в качестве арены боевых действий местными клубами исторических реконструкций. Ночью власть переходила к другим хозяевам – лисицам. К великой радости всех, кроме мышей и других грызунов. Здесь, прямо в черте города, водились островные лисы, самые настоящие: рыжие, пушистые зимой и облезлые летом.

Устроившись с относительным удобством на верхней башне капонира, можно было увидеть поразительной красоты картину: далеко впереди, за одним из самых красивых в мире мостов, над верхушками сопки противоположного берега морского залива, носящего поэтическое название Босфор Восточный, вставала всей своей неопишуемой красотой сияющая радуга. На фоне небольшой облачности это зрелище выглядело особо феерично и заставляло следить за ним, забыв обо всём.

«Эх, как всегда. Жаль, что с собой хорошего фотоаппарата нет, а то хоть для журнала снимки делай. Видимо, наш ночной дождик теперь и к ним пришёл в гости. Что же, пускай помокнут, так им и надо. Устроились, видите ли, в экологическом заповеднике. А у нас пускай солнышко светит, оно нам нужнее. Нам ещё в море купаться предстоит. А это, доложу я вам, гораздо приятнее при хорошей погоде делать».

Такие мысли, конечно, посетили Николая не со зла. Естественно, он не желал дождя соседям из заповедных земель с противоположного берега, где, совершенно никого не трогая, устроились жить дальневосточные леопарды. Просто подобные дурацкие мысли часто его посещали, так как в душе он был несокрушимым романтиком и считал, что главное в жизни – быть добрым, а слова – они и есть слова. Умные люди разберутся, а с глупыми ему не по пути. Для каждого мил не будешь.

Посидев таким образом в праздном раздумье ещё минут пятнадцать на импровизированной видовой площадке, оставшейся от царского пушечного лафета, и напоследок взглянув на радугу и окрестности, Николай резко вскочил на велобайк и, крикнув во весь голос в сторону рва, что у него всё отлично, спустя мгновение промчался мимо поднимавшейся в гору кучки иностранных туристов, ошарашенно смотревших ему вслед.

«А что ещё вы хотели тут увидеть? Медведя, что ли, увидеть, или тигра амурского? Нет здесь ни тех, ни других. Идите вон туда, за радугой, на ту сторону залива, там и тигра, и зайца, и медведя увидите. Если повезёт, конечно. А здесь у нас, в городе нашенском, зайцы только в трамваях да троллейбусах остались. Заяц – он нынче вид исчезающий, понимаааешшшь...» – продекламировал он свои мысли вслух, спародировав интонацию известного в недалёком прошлом политического деятеля.

В таком темпе всего-то минут через десять интенсивного вращения педалей велосипед доставил Николая к морскому берегу, который уже с утра начинал заполняться народом.

Благополучно устроившись на излюбленном с давних пор относительно уединённом пятачке недалеко от воды, он не спеша разделся и с огромным удовольствием ощутил всю прелесть прохладной солёной морской воды. Так как рядом никого не было, плескался он бурно, с брызгами и довольными уханьями.

«А зачем скрывать свои эмоции? Пускай все видят, что мне кайфово и классно. Я же не голым купаюсь и не матерюсь, а лишь с рожей довольной. Завидуйте молча, господа!»

Проплавав где-то с полчаса, а затем обсохнув на так кстати начавшемся бризе, немного позагорав на солнышке, Коля вдруг понял, что выполнил все эти процедуры очень вовремя.

«Как на такое безобразие у людей совести хватает? Никакого уважения к другим отдыхающим. Понаехали, блин горелый... Варвары, одним словом», – констатировал Николай факт, выглядевший в данной ситуации очевидным.

Неподалёку от его уютного места, в непосредственной близости от мусорного контейнера, выгрузившись из древнего раздолбанного микроавтобуса, припаркованного прямо на пляже, расположилась шумная компания, которая, очевидно, устроилась здесь надолго и задалась целью отметить какое-то грандиозное событие. Уже сейчас из необъятных «помогайковых» китайских баулов было разложено на скатерти бесчисленное количество съестных припасов, рядом расставлены штабеля ёмкостей с пивом и иными спиртосодержащими напитками. Возле импровизированного мангала с методичностью поливочного шланга равномерно разбрызгивал струи какого-то маринада на солидную кучу шашлыка поддатый тип с красной рожей, явно ничего в приготовлении шашлыка не понимающий.

Николаю, который считал себя великим специалистом в приготовлении шашлыка, почему-то так показалось.

При этом тот самый краснорожий тип постоянно орал какие-то частушки неприличного содержания и разбрасывался шутками, над которыми сам же и смеялся. В общем, этот тип был той самой «душой компании» и в данный момент находился в зените своей славы.

«Может быть, они мне кажутся такими уродами потому, что мне самому после всех пока- тушек и плесканий очень уж есть хочется? А особенно – при виде такого издевательства над шашлыком? Надо бы валить отсюда побыстрее, а то замечания начну делать, а уж опосля...»

***

В конечном итоге, накатавшись и накупавшись в своё удовольствие, Коля вернулся домой. Поставив велик на балкон своей новоприобретённой «ипотечной» квартиры, он плотно и вкусно пообедал, затем, немного отдохнув на диване, неспешно собрался и пошёл бродить по набережной, куда он любил приходить для предания своей персоны благостным раздумьям о великих грядущих свершениях.

Когда выдавался хороший денёк, Коля всегда старался бросить все дела, а в основном это были даже не дела, а так, делишки, и отправлялся ловить хорошую погоду. В тот день погода была именно такой. Чудесной и располагающей к торчанию на улице, а не дома. Николай вообще не любил без крайней надобности сидеть дома. Это повелось ещё с детства, когда домой его можно было загнать только при помощи крайних мер, то есть, под угрозой репрессий вроде лишения доступа к статусной игровой приставке, которая была для Коли вторым по значимости приоритетом в подростковой жизни.

«Всегда и всюду не опаздывает лишь тот, кто никуда не спешит! Сегодняшний день тор- жественно обещаю прожить под этим мудрым слоганом. И вообще. Государство – это я. И точка».

Жизненная философия, отражённая в этом выражении, давно и крепко засела в мозгах Николая, ведь следовать её постулатам было для него одним сплошным удовольствием.

«Как мудро сказано, двумя лапами подписываюсь! Кто, интересно, автор этих великих выражений? Не могу припомнить, вроде бы, слышал где-то, а где – неизвестно. Как-то это с французскими королями связано. Надо будет почитать на досуге. Ладно, мучиться не буду. Засим торжественно постановим: они приписываются изящному ходу мысленного процесса вашего покорного слуги».

Подобные позитивные размышления и правда действовали, особенно, если в это пове- рить по-настоящему, а Коля был именно из таких – способных поверить. Он всегда считал, что если верить, то со всей серьёзностью. А если уж не верить, то не искать себе поводов для зацепок – отбросил и забыл, напрочь.

«Мудро-то оно мудро сказано, но ведь если рассуждать логически, на то ведь они и зовутся мудрецами, чтобы мы им верили и цитировали по любому поводу и без оно. Но, как я считаю, чтобы это было по-всамделишному мудро, надо, чтобы их точка зрения совпадала с нашим мировоззрением. Я согласен – значит мудро. Не согласен – фуфел. И незачем филосо- фию и демагогию на пустом месте разводить. Пускай вон её, ну, депутаты всякие разводят, у них зарплата большая. Сидят себе да спят в своих креслах на заседаниях. Всё заседают, да вот что-то толку мало... Опять эти долбанные мысли про политику, валютные курсы и общую обста- новку в Гондурасе в голову полезли... Всё, баста, надо снова о хорошем начинать думать...»

Но как ни хотел Николай переместить свои мысли снова в положительное русло, ничего не получалось. Сразу начинала вертеться мысль о том, что у самого Коли зарплата была неболь- шая, а вернее, даже никакая. Не было у него никакой зарплаты, как и подобает великому и пока – конечно же, временно! – неопенённому фрилансеру, как он сам себя любил называть.

Его фрилансерская эпопея продолжалась и продолжалась, но при этом, к великой радо- сти, хоть с моральной стороны не доставляла дискомфорта. С материальной – да. Бывало. А с моральной – всё было чики-пуки. Отлично всё было.

***

Еще в относительно недалёком прошлом Николай Сергеевич Абашин был довольно-таки перспективным, по крайней мере, со слов его научного руководителя и наставника Сергея Николаевича Никонорова, доцента кафедры бывшего ДВГУ. Был Абашин историком-востоковедом. И некоторое время работал в историческом отделении местного НИИ, где даже умудрился преподавать немного. По роду занятий ему приходилось бывать в краеведческих научных экспедициях и заниматься различной научной деятельностью.

Как всегда и бывает у людей творческих и темпераментных, ему это надоело. А ещё всё усугубила банальная причина – всеобщая и тотальная нехватка финансирования. Впрочем, такое было везде в девяностые годы прошлого века. В итоге, бросив институт и помаявшись некоторое время на бирже труда, Коля подался в «офисный планктон». Как он сам любил всем говорить – убежал за твёрдым социальным статусом, подкреплённым длинным рублём.

Начинал Абашин трудиться на капиталистов, как и положено, с самых низов. За пару лет, успев поработать различными коммерческими представителями и мерчендайзерами, он, благодаря своему живому уму и сообразительности, быстро продвинулся по карьерной лестнице до должности менеджера. Но в конечном итоге случилось то, что и должно было случиться.

Несколько лет назад, после многочисленных «битв» на поприще своей лояльности и причастности к делу продвижения товара, Николай уже занимал достаточно высокую позицию в известной конторе по выпуску и продаже жвачки. Занимался такими, знаете ли, маркетинговыми приёмами: «Покупайте нашу продукцию, чтобы у вас кариеса, по причине отсутствия самих зубов, не было. Мы в этом деле самые крутые. Ноу-хау! У нас, знаете ли, вместо сахара гексоген в составе! Восьмое чудо света у Ваших ног, господа. Вас ждёт самый настоящий взрыв вкуса!»

Шутки шутками, но вот однажды настал один прекрасный, а может быть, и совершенно ужасный, смотря с какой стороны подходить к вопросу, день.

Как обычно, утром, явившись в свою контору, Николай сгенерировал стопятидесятитысячную креативную, толковую, эффективную и при этом малозатратную идею высшей пробы. Эта идея по продвижению товара после двух недель хождения по инстанциям и кабинетам почему-то вновь была отклонена «этими мудаками». И разумеется, Коля послал всё и всех на всем известные три буквы. Написал заявление об увольнении и, хлопнув дверью, убыл на все четыре стороны.

Эти коварные «все четыре стороны» тянулись очень долго и, похоже, вовсе не спешили заканчиваться, прицепившись как репей к нашему герою. Пригрелись, так сказать, на тёплом месте. Как змеи подколодные.

Как и положено истинному философу по жизни, Николай не особо переживал по этому поводу. И уж тем более не собирался страдать различными депрессивными синдромами и брюзжать, жалуясь по любым пустякам на то, что жизнь есть «гэ», и люди в ней тоже «гэ», а вовсе не актёры. Не из таких он, не из тех, кто в таких ситуациях унывает и раскисает, обвиняя всех и каждого в своих бедах.

Напротив, Коля даже подшучивал над своими проблемами: «Видать, мои «стороны», как истинные плагиаторы, придерживаются мудрой формулы, озвученной мною чуть ранее. Но не страшно, пускай. Во всяком случае, топиться и стреляться по этому поводу я не собираюсь. Как говорил один известный еврей, не дождётесь!»

Этот неисправимый оптимист рассуждал так:

«Ну, к примеру, вот ответьте мне, любезные и уважаемые господа: зачем человеку париться по таким пустякам, как отсутствие работы, если всевозможных мелких и не особо трудоёмких подработок на достаточно сносную жизнь хватает? И даже иногда хватает на мелкие радости! Жизнь не особо налаживается, но идёт своим ходом. Даже, можно сказать, бьёт ключом! И знакомства разные регулярно происходят. Иногда – даже с хорошими людьми».

Те самые «мелкие радости» будто ждали за ближайшим углом своего упоминания и не замедлили в тот же момент объявиться в лице, а скорее, даже физиономии старого знакомого-«софрилансера».

***

– Здорово, чувак! Житуха-то ведь у меня, кажется, налаживается! – вдруг услышал Николай громогласный клич в самое ухо, сопровождавшийся увесистым хлопком по плечу.

– Из ума, что ли, выжил? Заикой меня хочешь на всю жизнь оставить? Или смерти моей желаешь? Зачем так пугать?

– Не брюзжи, как бабка старая. Это тебе не к лицу. Ты только не сочти за хвастовство, но я сейчас же спешу поделиться со столь уважаемым человеком ужасно хорошей новостью! Даже, я бы сказал, не ужасно хорошей, а грандиознейшим образом великолепной новостью! – вновь проорал прямо в ухо неожиданным образом появившийся из ниоткуда старый друг Николая Семёнов.

– Две полоски, что ли, с бодуна увидел? Ну, стало быть, торжественно поздравляю! Ведь, как говорится, хорошего человека судьба всегда найдёт. Или, может быть, всё-таки она вертится? – решил в ответ в ироничной манере поиздеваться над старым холостяком Коля.

– Нет, что вы, друг мой! К моему глубочайшему разочарованию, ваши мысли оказались слишком скудны. И к глубочайшему моему сожалению, они совершенно не отражают истинное положение моих скромных дел. Это положение хуже, много хуже, друг мой!

– Хуже, говоришь? Куда уж хуже? Или это от слова «худо»? Уж не в художники ли ты подался на старости лет?

– Ааа, – махнул рукой Семён, – тёмный ты человек. Не хочешь проявить настоящей живой заинтересованности по поводу жизни старого товарища. Всё хиханьки да хаханьки. А ведь после стольких лет прозябания, стяжательства и бесконечной терпимости я наконец-то стану богатым!

– Ага, человеколюбец. И всё это твоё БОГатство, как говорил известный и в отличие от тебя умный человек, происходит от слова «БОГ»? – Коля сделал «железобетонное» выражение лица. – Уж не в секту ли ты какую-нибудь случайно или специально вступил? А? Отвечай скорей! Адвентисты седьмого дня али кришнаиты какие? Хааареее Крриишнаааа!!! Хааареее Рааамааааа!!! – пропел Николай и неуклюже попытался изобразить движения танца одной известной колоритной религиозной организации.

– Вот уж не ожидал такого. Издеваешься? Над старым и больным человеком! Тебе это на том свете зачтётся. Уж помяни моё слово, – прозвучало с демонстративно наигранным укором и с изображением кислейшей мины на лице Семёна. – Может, ещё и конфетку у меня отберёшь? А ты ведь и отберёшь, верно? За тобой такая подлость, знаю, не заржавеет. Но ты, старая обезьяна, почти угадал: мистика, религия и прочая загадочность в этом деле присутствуют!

Былая наигранная скорбь опять сменилась крайне довольной физиономией, и Семён, выдержав театральную паузу, продолжил:

– Почти угадал, да не совсем. Это не кришнаиты, конечно, но тоже очень серьёзные люди. Они дали мне большой заказ на восстановление какой-то там священной и очень высокохудожественной стены. В каком-то там свежееоткопанном в тайге местном храме давно забытых богов. Как мне подсказывает интуиция (а ведь именно интуиция и является моим сильнейшим местом, после ума, конечно), в институте федерального значения, то ли археологическом, то ли геологическом, не прогадали и доверились нужному специалисту в моём лице. Который получит от работы колоссальное не только моральное, но и материальное удовольствие. Короче говоря, у самих «ботаников», как обычно, руки из жопы растут. Поэтому им настоящий специалист, Специалист с большой буквы потребовался. Такой, что и блоху подковать сумеет.

Произнося эту речь на одном дыхании и при этом демонстративно потирая руки, Семён явно с большим реализмом представлял себе, как уже снимает деньги с солидного банковского счета, открытого на его имя Российской Академией Наук. Он продолжил:

– Ты только представь такую картину маслом. Сам маэстро Репин отдыхает! Они попытались сначала сами поковыряться на этих раскопках. А затем, когда ничего у них не вышло, умудрились каких-то, с позволения сказать, «высокообразованных педиков» из одной широко известной в узких кругах частной конторы нанять, якобы, для консалтинга и реконструкции. И у них там всё рухнуло! Представляешь, друг мой? Тысячу лет, а может быть, и больше оно возрастом. Тысячу лет простояло, значит, в тайге это уникальнейшее культурное наследие законным в землю. При этом, естественно, никому не мешая. А у них вот так совершенно случайно взяло, блин, да и рухнуло! Частично, правду сказать... Руки хоть и из жопы, да пальцы, видать, цепкие оказались... В последний момент остатки зафиксировать успели.

Со стороны можно было видеть, что в ходе этой тирады, переросшей в пламенную речь, Семёна то и дело размахивал руками. Он демонстративно то поднимал вверх указательный палец, то засовывал руку за лацкан куртки. Вкупе с тем, что он также совершал иные телодвижения, копировавшие одного либо другого известного человека, Семён становился страшно похож то на вербовщика из радикальной организации, то, через секунду, на одного весьма колоритного и харизматичного исторического деятеля. Каждая из мастерски представленных образных ассоциаций послужила бы украшением любого любительского «капустника».

– Тебе бы персональный броневичок под роспись выдать. Да тезисы личного плана действий составить. И уж поверь мне, дружище: ты стал бы новым вождём миоготогиата! Либо уж точно кого-нибудь завербовал бы случайно. Но пропустим пантомиму. Давай уже поближе к делу, не зудя попусту да воздух зря не сотрясая, говори живей, чего тебе от меня надо-то?

Произнёс эти слова Коля, прекрасно зная повадки друга и его «ахиллесову пяту». Он с самого начала предполагал, что за всей этой грандиозной речью явно стоит не только желание покрасоваться и себя любимого пропиарить.

– Совсем ничего страшного не случилось, друг мой, – приложил руки к сердцу Семён, – как ты мог по своей меркантильной натуре изначально подумать. А требуется от тебя всего лишь срочно составить мне компанию. Чтобы хорошенько обмыть это дело. Без этого, сам понимаешь, никуда!

Произнося эту фразу, Семён глубоко вздохнул и, воздев очи к небу, добавил:

– Сегодня, конечно, платишь ты. Но я позже отблагодарю, ты же меня знаешь не первый день! Ааа?

– Уууу, – как от зубной боли, простонал Николай, – я знал! В том-то и дело, что я не первый день тебя знаю. И не второй, между прочим. Сколько раз уже я за тебя, старый хрыч, платил, а? Со счета сбился! Ведь ежели всё просуммировать, то я за это время смог бы, наверное, себе уже личный пивзавод открыть! Так где же деньги, я у тебя спрашиваю? Где деньги, Зин?

Семён, слушая этот эмоциональный ответ, стоял, чуть склоня голову набок. Выслушав до конца, он вздохнул и по-отечески произнёс:

– Да не переживай ты так по пустякам. Дружище, нервы, как известно, не восстанавливаются. А если и восстанавливаются, то очень медленно, а мне ждать некогда. В твоём пессимизме ключевым словом стало слово «наверное», а с таким взглядом на жизнь далеко не уедешь, – с интонацией, напоминающей тон психотерапевта Кашпировского, произнёс «старый хрыч». – Будут тебе твои деньги. Не поверишь, даже с процентами! Как только их мне дадут, они сразу станут твоими, повторюсь, с процентами. Задаток свой, тот, что мне уже выдали в академии за предстоящую работу, как ты уже успел понять, я давно спустил. Ведь работа-то не на один день. Ботаники – они не жадные. А особенно – эти, так как они уже за докторскую дис-

сертацию готовятся усестья. Отреставрируй, дескать, для нас, любезных, побольше «живого» материала. Как говорил сам Цезарь, «ab ovo»!

– Чего он там говорил?

– Не суть важно, – отмахнулся Сёма, – а важно то, что, между прочим, объёмы этого циклопического проекта только я один и осилю. Ну просто нету, нету больше у нас в крае таких серьёзных специалистов. Да и по всей стране вряд ли больше пары-тройки найдётся. Так что твои инвестиции – под жёстким контролем. Это вам не какая-то сберкнижка, у меня здесь всё по-честному!

– Как в «МММ»?

– Обижусь!

Если смотреть на это действие со стороны и не слышать диалога, то иному наблюдателю могло бы показаться, что непонятного вида «уставший» интеллигент выклянчивает у какого-то знакомого из прошлого денег на опохмел.

На самом деле это была встреча старых друзей, и эта беседа прошла в нормальном и обычном для них ключе. При встречах все их экспрессивные диалоги всегда происходили в максимально непринуждённой, можно даже сказать, наигранно-раздолбайской атмосфере. Этакие местные Бивис и Баттхед.

Выслушав патетическое воззвание Сёмы, Коля на секунду задумался и вспомнил прошлое...

***

– Всё великолепие дальневосточной природы в одном флаконе, – Семён Новиков мечтательно огляделся по сторонам, созерцая открывающиеся с высоты виды. – Мы, реставраторы и художники, по долгу службы обязаны вдохновляться такими местами. Это, можно выразиться, Альфа и Омега любой творческой души!

Николай улыбнулся, тоже разглядывая открывшийся взору феноменальный пейзаж.

К двадцати шести годам наш герой наконец-то обзавелся другом, благодаря той сфере, в которой они оба работали. Все началось с конкуренции за один заказ от богатого и известного в городе человека на реставрацию дорогого художественного и достаточно старого на вид полотна. Это самое полотно было частью замысла по превращению «скромного» и ничем среди домов соседей не выделявшегося четырёхэтажного домика с бассейном и теннисным кортом в настоящий дворец восточного султана, разумеется, с мраморным фонтаном и псевдомесопотамскими мозаичными фресками, сделанными, между прочим, по спецзаказу в Италии.

Ценник за эти манипуляции выглядел очень даже приличным, и между мужчинами разыгрался нешуточный спор за потенциальное рабочее место. В конце концов Семён, благодаря гораздо большему опыту, победил. Богатый клиент выбрал его, но Семёну так понравилась целеустремлённость конкурента, что Семён решил дать Абашину несколько смежных заданий по объекту. Будучи одним из лучших художественных работников всего Дальнего Востока, Новиков вполне мог себе это позволить. Так и началось.

В процессе выполнения этого нетривиального рабочего проекта сначала они поняли, что друг друга стоят как специалисты, а затем начали всерьёз и надолго дружить на благодатной почве совпадения взглядов на жизнь.

В свободное от работы время новоиспечённые друзья принялись немедленно исполнять одно из старых желаний Николая – осуществить пеший подъём на Облачную гору.

И вот, сегодня, по условиям туроператора, к восьми вечера им необходимо было добраться до перевалочного лагеря. Но друзья не спешили, наслаждаясь каждым глотком чистого горного воздуха. Коля продолжил беседу:

– Ты же, кажется, даже в самих Альпах бывал, а восторгаешься этим местом. Ты патриот нашего края, однако!

– Это ты про ту мою конференцию? – спросил Семён с легкой одышкой: тропа пошла резко вверх.

– Да. Там тоже ничего, но, как по мне, Приморье – роднее. Потому-то я там и не остался. Хоть и звали. Скучно у них в европах, пресно. Как-то так...

Товарищи прошли ещё несколько сотен метров, вглядываясь в густой хвойный лес на склоне.

– А ты в курсе, что здесь можно гималайского медведя встретить?

– Да, слышал, что бывали такие случаи, но нечасто.

Николай улыбнулся:

– Боишься косолапого? Что собираешься делать в случае чего?

– Знаешь ли, я – человек искусства, а раньше был человеком науки. Так что, учитывая мои антропометрические данные, шанс победить в прямой схватке взрослого гималайского медведя – не более двенадцати с половиной процентов. Поэтому остаётся только стоять да воздух портить. Авось побрезгует.

Семён был интересным собеседником и вообще удивительным человеком. В нём гармонично сочетались высокий интеллект и полное отсутствие занудства типичного учёного, что в сочетании с творческим видением мира давало очень благодатную смесь для дружбы с ним. Возможно, Семён бы и сейчас проводил ночи за толстыми книгами и сложными для понимания обычного человека научными статьями, но зов искусства однажды победил, и бывший учёный плюнул на все свои прошлые труды ради новой сферы.

«Дорога науки – это узкая тропинка в дремучем лесу несделанных открытий, а творчество – большое поле, на котором хоть картошку сажай, хоть замок строй», – так объяснял Семён произошедшие с ним перемены.

Но его самое главное положительное качество – это, конечно, верность дружбе. Страшно подумать, но у Николая никогда не было настоящего друга, никогда! Ему ведь и поделиться всеми своими переживаниями было не с кем.

– Как твой заказ вчерашний? – словно поняв направление мыслей товарища, спросил Семёна. – Всё нормально?

– Да, закончил к двум часам ночи. Честно говоря, я ещё никогда не занимался реставрацией довоенных плакатов. Весьма необычный получился опыт.

– Доволен своей работой?

– Доволен. Не могу сказать, что с детства мечтал быть реставратором, более того, до старшей школы я и понятия не имел, чем занимаются эти люди, – Николай усмехнулся. – Мне казалось, это что-то среднее между скульпторами и заклинателями змей.

– Знаешь, ты был не очень далёк от истины.

– Теперь-то я это понимаю.

Собеседники обогнули особо опасный участок тропы. От пропасти их отделяла всего пара метров.

– Кем ты хотел стать, когда учился в школе? – продолжал допытываться Семён.

– Да так. Особо-то и никем.

– Врёшь. Я вот, например, сначала пожарным хотел стать, а потом космонавтом. И не стал ни тем, ни другим. А ты говоришь, никем. Так не бывает.

– Бывает. Я понятия не имел, чем буду заниматься во взрослой жизни. Слишком долго отодвигал этот вопрос, но осознал это слишком поздно. Благо, есть хоть какой-то врождённый талант, если бы не он, то потолок моих амбиций – грузчик на складе.

Николай внезапно остановился и несколько секунд пробыл внутри себя, но быстро встрепенулся.

– Ведь ты ещё... Кем ты, кроме космонавтов всяких, ещё хотел стать? Наверняка же хотел.

– Прокурором.

– Врёшь!

– Правда. Еще в юности я услышал словосочетание «надзорный орган», и оно мне понравилось. Я представлял себя таким важным: вот я хожу и надзираю за всеми.

Колю это несколько рассмешило.

– И почему же не стал?

– Передумал. В десятом классе обнаружил у себя невероятную тягу к растениям, хотел стать ботаником. И меня, кстати, именно так и обзывали в школе. Я долго шёл по этому пути, пока в конечном итоге не переквалифицировался в археолога, ну а дальше ты и сам знаешь.

– Знаю. Диплом, конференция в Швейцарии, неудачная диссертация.

– Да, всё верно. Особого удовольствия от этого всего я не получил, но опыта, конечно, поднабрался. Эх, знал бы наперёд, пошёл бы в прокуроры. В таком случае, с вероятностью восемь из одиннадцати, мы бы сейчас летели на вершину горы на вертолёте, причмокивая чёрной икрой.

Николай вновь рассмеялся, но не из-за упущенной перспективы:

– Скажи, откуда ты берёшь эти вероятности? На ходу придумываешь?

– На ходу? Для бывшего учёного это оскорбление. Просчитываю шансы путём сложной калькуляции всех факторов, с учетом коэффициента...

– Ай-яй-яй... Замолчи, голова сейчас взорвётся, – Николай сделал болезненное выражение лица и жестами изобразил, как у него взрывается голова.

– Это не я нудный, это горная болезнь. Я здесь ни при чем. А вероятностями этими я дурачиться недавно стал. Как стал, так и надоест скоро. Вот увидишь, – вставил Сёма своё последнее слово. Определённо, юстиция потеряла очень ценный кадр.

За разговорами время пролетело незаметно, и друзья подошли к перевалочному лагерю, опоздав всего минут на сорок.

***

Как иногда и бывает в обычной жизни, Семён Владимирович Новиков, по аналогии с Николаем, в прошлом был перспективным учёным. Его даже как-то раз от имени института на какую-то конференцию в Швейцарию посылали.

По призванию Новиков был археологом. Не просто археологом, который сутками в земле кисточкой ковыряется, а реставратором с золотыми руками, реставратором от бога. Однажды на Семёна снизошло озарение, и он даже за кандидатскую диссертацию сел. Но всё это слишком задолбало молодого учёного. Особенно надоело бесконечно, а главное, бесперспективно спорить о своих прогрессивных научных теориях с высокоучёными профессорами, непреклонными в своих закостеневших принципах.

И Новиков, уйдя из науки, стал вольнонаёмным специалистом узкого профиля. Он стал выполнять на заказ очень сложные художественные и реставрационные работы, за которые никто во Владивостоке и во всём Приморском крае не решался взяться. Ни разу Семён не давал ни одной рекламы, но благодаря «сарафанному радио» отбоя от клиентов не было. Заказы валились как из рога изобилия, и ему было из чего выбрать. Новиков, как и подобает настоящему мастеру, выбирал не более дорогостоящую работу, а ту, которая была интереснее и сложнее.

Конечно, как и бывает на периферии страны, по-настоящему интересных работ было раз, два и обчёлся. Соответственно, заказов было не так уж и много. Поэтому Семён не особо напрягался.

Как бы то ни было, интересные и сложные заказы иногда встречались. Правда, несмотря на довольно приличные гонорары, ни одна копейка у Семёна надолго в кармане не задерживалась. И в первую очередь все новоприобретённые деньги уходили на погашение старых долгов. А эти долги по непонятным ему причинам появлялись, казалось, быстрее скорости света.

– Короче, Склифосовский. Выслушав сию душещипательную и высокосодежательную речь, я выношу свой приговор. Сей вердикт окончательный и обжалованию не подлежит. Постановляю. Неспешно и даже несколько торжественно, но при этом особо не задерживаясь, наведаться в гости в неподалёку расположенное культурное заведение. Дабы посмотреть на окружающую там обстакановку. Ну? Что скажешь на это? Как тебе, недопрокурору, моя адъюдикация? – торжественным видом сказал, прежде поразмыслив над ближайшей перспективой культурно отдохнуть, Николай. При этом он честно отдавал себе отчёт, что, в принципе, изначально ноги сами его туда и вели.

– Поистине гениальное, даже, не постесняюсь этого слова, судьбоносное решение! Я всегда знал, что судьба существует! И именно в этот самый момент она повернулась ко мне передом, а не задом, как обычно. И при этом явила свой лучезарный лик в виде моего старого, скромно смею заметить, очень доброго и отзывчивого друга!

Прокричал всё это Семён на одном дыхании. И не оборачиваясь, дабы не спугнуть удачу, быстрым шагом направился в нужном направлении – в сторону вышеназванного «культурного» заведения. Топать было не особо далеко. И через пару минут, войдя внутрь помещения, Семён произнёс:

– Я тут себе позволил, почему-то изначально поверив в мудрое и взвешенное решение своего лучшего друга, заранее местечко попримечнее забронировать, возле стеночки, в уголку с диванчиком. Ну, там, – для уточнения указал он нужное направление пальцем, – где ты обычно любишь сидеть. А то вдруг супостаты какие понабегут да упырки всякие.

– Ага, в понедельник с утра понабегут и всё пиво местное нефилтрованное да свежесваренное выпьют?

– А я тебе на этот ехидный вопрос с подвохом вот что отвечу: они могут, они всё могут, на то они и супостаты! Неужели ты, несмотря на все старания нашего масс-медиа, до сих пор не веришь во всемирный заговор? – заговорщицки прошептал друг, первым поудобнее устраиваясь на вышеупомянутом диванчике. – Пиво – оно ведь не вода, его знаешь, сколько выпить можно? Я вот сам однажды взял да и...

– А вот этого-то, честно сказать, я и побаиваюсь, – перебив друга и рефлекторно пощупав карман, где лежали наличные, сказал Коля. – Кредитки-то со мной нет. Вернее, есть, но она с почти нулевым балансом. Не скажу, что я сейчас совсем пустой, но на царское застолье не рассчитывай. Мера во всём важна. Так нас учил сам Неру! Что ты против него сказать имеешь?

– Не бзди и релаксируй, ощущая рядышком присутствие такого человека, как я. Не проигрывает сражение только тот, кто свою жопу с дивана поднять боится! Или как-то так, – с многозначительным видом провозгласил будущий собутыльник. – Повторюсь: не бзди. Если что, прикрою. У меня одна старая и редкая монета случайно в кармане завалилась. Между прочим, японская. Серебряная! Чуешь, куда дело клонится?

– Ну уж до этого, надеюсь, дело не дойдёт. Не бичи, вроде, чтобы монеты редкие закладывать в кабак.

– Но-но! Попрошу в этом прекрасном заведении – храме Бахуса – так грубо не выражаться! В кабаке залог оставлять – не то, что не зазорно, а наоборот даже. Например, исторические факты о чём свидетельствуют?

– И о чём же? Уж больно не терпится узнать сию историческую тайну.

– Ага, заинтригован? А свидетельствуют они вот о чём: все аристократы, да и просто понастоящему культурные люди так раньше всегда поступали. Культурные! Знаешь, например, как столовался сам Есенин? А вот есть ещё такая фраза, моя любимая: «Кто такой истинный

алкоголик по призванию? На это есть очень простой и при этом весьма точный ответ: поэт, писатель, мечтатель, лауреат Нобелевской премии...» А! Хорошо ведь сказано?

– Ага, лауреаты нобелевско-шнобелевской премии... И где сейчас находятся все эти аристократы, лауреаты да представители творческой и не очень, с позволения сказать, интеллигенции?

– Упырь, не порти торжественности сего великого момента. Всегда надо думать только про лучшее, про возвышенное. И никак иначе. Например, я всегда только так и поступаю. Мысли – они ведь по-настоящему материальны! Вот откуда, как ты думаешь, я здесь взялся?

– Да нетрудно было бы догадаться. Вот, например, мой основной вариант развития событий: взял ты, старый пень, проснулся в обед. Затем, почесав репу перед зеркалом, не слишком спеша, оделся-обулся, да и припёрся прогуляться на набку. С предшествующего перепою воздухом морским целебным подышать. Что, разве звучит неправдоподобно?

– Нееттт, не угадал! Я, между прочим, после работы шёл ночной да о тебе, о великом человецише, только подумал, и вот: идёт оно само навстречу! А морда-то кислая да невесёлая. Дай-ка, думаю, уважу замечательного человека приглашением в хорошую компанию в виде самого себя. Вот это и есть «правдоподобно звучит». Так надо было мыслить, а не «проснулся, припёрся». Тьфу на тебя!

– Ах, вот как получается: «Оно идёт»! Ну уж спасибо за комплимент. Я всегда верил, что ты обо мне хорошего мнения, – сделал неуклюжую попытку изобразить реверанс Коля.

– Как я ранее и говорил, не будь занудой, это тебе не к лицу и не к другим частям тела.

***

Отойдя от настырного полуденного зноя, который успел всецело захватить власть на улице, они, успев немного потрепаться, наконец-то дождались официантку, которая, вопреки Семиным опасениям, не скрывала в полупустом зале притаившихся супостатов, поглощающих прохладное пиво тоннами. Иных нежелательных личностей также не наблюдалось. В уютном зале имелась лишь традиционно хорошая и призывающая подольше здесь посидеть музыка и сама официантка в традиционном костюме ирландской то ли горничной, то ли домохозяйки, которая задала не менее традиционный вопрос:

– Господа, давненько вас не видела. Будете начинать как обычно?

– Нет, лапа. Сегодня у нас почти что праздник. Можно начать и необычно: пожалуй, сегодня с вашего фирменного тёмного начнём. Клин клином, так сказать, вышибем. Из моей тёмной души темноту тёмным пивом прогоним! – довольный собственным каламбуром, загоготал Семё. Затем, развалившись на мягком диване и почитав для вида давно заученное меню, он как бы с ленцой объявил:

– И колбасок с картошечкой. Да греночек с чесночком. Да рыбки солёненькой красненькой. Да... Да, пожалуй, пока что, всё. Пока что!

Друзья полюбовались в очередной раз на колоритный интерьер бара. Все его стены были расписаны картинами на рок-н-рольную тематику. Повсюду висели виниловые пластинки, портреты знаменитых рок-музыкантов с их оригинальной концертной атрибутикой вроде литавр и барабанных палочек. По словам персонала, всё было подлинным. В общем, атмосфера в баре располагала к одному: было торжественно объявлено о начале застолья.

– Ляпота! Аж даже материться хочется! Но не буду: я же всё-таки культурный человек. Хотя некоторые и сомневаются, – подняв палец вверх, сказал Семён, попеременно с произносимыми словами употребив первую кружку буквально в три глотка. – Вэри, как говорится, гуд. Теперь, когда мысли немного прояснились, хочу о культуре поговорить. Ты вот, как культурный человек, как к такой херне относишься?

– К какой – такой? – допив свою порцию, возмутился Николай. – Я к херне не отношусь! Прошу не оскорблять. В богоугодном заведении – особенно!

– Не говори раньше времени. На вот лучше, полюбуйся, – Сёма из своей необъятной сумки выудил довольно-таки приличный новенький ноутбук и, набрав бесконечный пароль (и как это он ни разу не ошибся, его набирая?), показал какую-то статью. – Прошу ознакомиться, но сразу кратко донесу основную мысль: «Комитет по архитектуре и градостроительству города Владивостока на основании многочисленных заявлений граждан утвердил реконструкцию всей территории так называемого района Третьей Рабочей». Там теперь, надо полагать, всё перекопают и похерят то, что должно быть нетронутым! И главное, с чего бы такая внезапная прыть? Там ведь с тридцатых годов лопата в землю опускалась только для того, чтобы цветы и деревья посадить. Не говоря уже о том, что в самих тридцатых там от бывшего рельефа камня на камне не осталось. Реконструкция тогда была глобальнейшая. Жалко, что с документами напряжёнка. Большую половину почему-то до сих пор не рассекретили. Всё якобы из-за стратегически важного тоннеля.

– А в чём мораль-то? В чём они не правы? Старые улицы, старые дома. Почему бы и не заняться реконструкцией? Новую струю, так сказать, пустить. Разгрести, образно выражаясь, авгиевы конюшни.

– Ответ понятен. И я даже прощаю тебе это жуткое невежество. Помнишь, с чего я начал нашу судьбоносную встречу?

– Конечно. Кирпичи какие-то древние в лесу кисточкой будешь очищать. Для москвичей, кажется?

– Эх, если бы кирпичи. Из чёрного гранита исключительной полировки идеально подогнанные глыбы, килограмм по двести каждая. Нашли случайно в Партизанском районе, глубоко в тайге. На месте старого городища, как предполагают, чжурчжэней. Слышал о таких?

– За необразованного идиота меня держишь? Все знают, что когда-то в Приморье находилось ядро их государства – Золотой Империи, а один из важнейших городов, возможно, даже и столица, я точно знаю, как раз и находился в Золотой Долине – том самом районе. Помню, что их города имели свои фишки. И даже, как некоторые утверждают, подобие промышленности. Поэтому меня не особо удивляют полированные гранитные камни. Чего тут особо удивительного? Взяли да отполировали. Не египетскую же пирамиду вы нашли.

– Не египетскую, это точно. И не пирамиду. Но возможно, и мне лично так кажется, это будет не менее масштабное по значимости прорывное открытие. Вот, к примеру, ты раньше слышал о такой теории, что могила чуть ли не самого хана Хубилая либо его ближайшего доверенного лица находится в нашем крае? Погоди, не спеши раньше времени бежать впереди паровоза и махать руками, кидаясь тапками. Сначала дослушай до конца.

– Ну, удиви старого ворчуна.

– Ага. Так вот. В определённых научных кругах давно упорно ходят слухи, что где-то там могут быть закопаны его те самые легендарные четыре золотых коня. В натуральную, между прочим, величину! И это не считая иных царских цапек. Он их, как ты, наверняка, и сам знаешь, всегда и всюду возил с собой. Даже когда на Японию в поход на кораблях ходил. Это было главное наследство его деда Чингисхана! Что-то вроде талисмана, который следовало брать с собой. Для привлечения удачи и успеха в любом важном деле.

– Ну да, точно. Про Хубилая – внука Чингисхана, пятого и последнего великого монгольского хана я, конечно же, слышал. Говорят, что Хубилай воевал в Азии, покорил Корею и Вьетнам. Даже на китайцев напал и тоже покорил. После чего, сытый и довольный, объявил себя императором Востока.

– Точно, объявил. А кто же ему тогда запретил бы?

– Но вроде бы при этом Хубилай был не особо-то и кровавым злодеем, в отличие от своего деда. Говорят, что именно при хане Хубилае расцвёл буйным цветом буддизм. Это стало

известно от самого Марко Поло, которому, как считается, можно доверять. Всё-таки этот венецианец является чуть ли не главным авторитетом среди средневековых путешественников. До сих пор очень мало людей, которые столько же в жизни успели повидать, как он. Может, только Сенкевич его переплюнул?

– Полностью с тобой соглашусь: Марко Поло верить можно. Я сам лично некоторые его путевые записки в музее в Европе видел, когда я был там на конференции. На фальшивки не похоже, правда, понять их смысл трудновато, особенно не очень подкованному в старых формах итальянского языка человеку.

– Хорошо, конечно, это всё очень интересно, но причём здесь наш многогрешный город? Как к этому прислонились реконструкция района и начавшаяся там стройка? Кроме того, я нахожусь в здравом уме и ни за что не поверю, чтобы сам Хубилай или какой-то важный его заместитель появлялись здесь самолично. И вообще, сомневаюсь насчёт того, что они в своей жизни что-либо вообще слышали об этих богом забытых районах бывшей так называемой Тартарии. Очень, очень сильно сомневаюсь. Какого чёрта лысого, спрашивается, люди, завоевавшие Китай и ставшие императором и вторым лицом в Азии стали бы переть свои царственные задницы в сторону ещё в проекте не значившегося Владивостока? И ещё замечу ради исторической справедливости. Никто из них точно не знал тогда об этом районе. Районе, бывшем в те времена дырой и вообще краем света. Я об этом курсовую писал и кучу литературы перелопатил. Не было у нас тут в древности ничего интересного, а уж тем более – для царей и императоров.

После этого последовала театральная пауза, сопровождавшаяся бульканьем пенного напитка. Тяжёлый вздох, а затем – довольное хихиканье.

– Ну что, выговорился? И на душе, конечно же, легче стало? Не патриот ты своего края, однако. А вот это ты видел? – и показал Николаю какое-то размытое изображение на экране ноутбука.

– Эээ... Это что за произведение абстрактного фотохудожественного искусства? Новые снимки Марса или Венеры, выложенные аэрокосмическим агентством НАСА в общий доступ? Или у меня уже в глазах начало двоиться? Вроде бы, рановато ещё. Нужная кондиция далеко не достигнута.

– А это, друг мой, те самые плиты, что я откапывал последние пару месяцев. Это на сегодняшний день является строжайшей тайной, и я их тебе первому показываю. Никто ещё не смотрел. Да, качество, действительно, не очень. Но так ведь у нас все фотоаппараты и смартфоны забрали. Это я на свою старую «Нокию» снимал. Сказал, что у такой древности фотоаппарат не работает давно. Прокатило. Качество дерьмовое, но общий смысл понять можно. Разумеется, при наличии небольшого воображения. Очень надеюсь, что у тебя есть небольшое воображение.

– Обижает, старик, чтобы у меня – и воображения не было? Вот сейчас обижусь и пойду топиться. Вот уже встаю и иду. Иду... идуууу...

Парой секунд позже, когда, взглядевшись повнимательнее в фотографии, Николай действительно стал разбираться в этих чёрточках, палочках и закорючках, перед его глазами предстала подробная и целостная картина жизни древних обитателей его родного края, изображённая очень искусно. Запутанно, иносказательно, но довольно-таки точно и подробно.

– Стой и не дыши... Это поразительно, нет, охренительно, нет... Это же изображён флот. По некоторым довольно точным схематическим чертам – именно тот, монгольский, описанный в средневековых хрониках, который отбыл японцев покорять и захватывать... Я либо сошел с ума, либо вижу очертания целостной карты? Убери пиво, я хочу быть в здравом рассудке... Нет, судить прямо сейчас не буду. Не буду.... Это точно не... Нет, этого не может быть. Это явно не то, что я вижу. Однозначно, это может быть только подделкой. Признавайся, старый

ишак, сам выводил эти загогулины? А? Для москвичей стараешься, чтобы бабосиков срубить побольше?

– За кого ты меня держишь? Уж на что-на что, а на такое я не способен по принципиальным соображениям. Тем более, что не я нашёл эти развалины. Я на готовенькое приехал. Это правда. Там всё действительно проросло корнями многовековых деревьев, такое подделать невозможно. Культурный слой не насыпной, а естественный, от времени.

– Клянись самым ценным, произнеси свою «ганнибалову клятву»!

– Да высохнет у меня эта кружка и не наполнится больше во веки веков! – как из пушки выпалил Семён.

– Ну что же, придётся поверить: клятва действительно страшная. Но могильный холм непонятно где расположен. Он как будто завис в пространстве. И четыре коня явно в стилистике того времени изображены как минимум золотыми, а вот где конкретно их место – тоже непонятно. С флотом немного яснее. Это не рыбацкие лодки, а именно боевое построение. И он может быть привязан к конкретным координатам, не широта и долгота, конечно, но вполне читаемо. Если сопоставить с картами, можно будет понять.

– Да, да. Вы, господин двоечник, не ошиблись: это именно боевое построение монгольского флота. Монгольский флот. Это понятие в современном мире звучит примерно так же, как «подводная лодка в степях Украины». Но мир действительно изменился. Когда-то и у монгольских ханов был флот. И не только флот. Это ещё не самое интересное в нашей истории.

– Эээ??? Продолжай.

– Да узнаете же вы, что на данный момент это является лишь десятой, а может быть, и сотой видимой частью откопанной стены. Это целый неразгаданный мир! Мне даже представить страшно, что там будет дальше накалякано. А ведь даже уже из той части, что я на данный момент успел разглядеть, можно составить собственную гипотезу. Вот, слушай, если интересно. Или неинтересно? К тому же, у меня что-то в горле пересохло, пойду-ка я, наверное, домой...

– Убью сейчас, не томи, изверг. Тебе светлого или тёмного для смачивания голосовых связок?

– Пожалуй, светлого давай, мне теперь на душе светло должно быть. Так вот, слушай, – и Семён начал свою речь, привстав из-за стола, пародируя выступление профессора за кафедрой. – Вернёмся на сотни лет назад, в те времена, когда весь Восток и Азия в частности уже целиком и полностью лежали у ног Чингизидов, когда сотни народов и племён обязаны были им платить и, кстати, исправно платили дань. Как это зачастую и бывает, монголы стали думать, что золота не может быть слишком много, им всё было мало, им хотелось ещё. Власти, богатства, золота... Кстати, вот интересная ассоциация: ты мультик про золотую антилопу смотрел?

– Я тебя сейчас придушу!

– Подчиняясь грубой, я бы даже сказал, невежественной и варварской силе, продолжаю. Так вот, наступил прекрасный момент, когда Великий Хан, а по совместительству Император Азии Хубилай стал готовиться к захвату Японии. Места-то на континенте маловато стало, острова им подавай. Прямо как и сейчас. Не нары нам, дескать, надобны, а Канары... Как нам известно, у самих монголов кораблей, тем более – военных, не было. Да они их просто и не умели строить, что со степных жителей возьмёшь? Как люди прагматичные, они не стали, как Пётр Первый, ездить в европы всякие судостроительному делу учиться. А что сделали? Правильно. Попросту взяли да и заставили строить для себя флот мастеров-кораблестроителей из Кореи. И вот. За пару лет, по некоторым данным, был построен флот из девятисот судов, на которых разместились примерно сорок тысяч воинов. Если ты помнишь, знаменитая испанская «Непобедимая Армада» состояла всего-то из ста тридцати судов. Разницу в масштабах ощущаешь? Как сообщают нам хроники – не те, о ком ты изначально подумал, а исторические хроники – в октябре 1274 года недалеко от японского архипелага на монгольский флот наеле-

тел тайфун и погубил значительную часть флотилии. Очень интересная версия! После этого, немного пограбив обалдевших от такой наглости японцев, но не имея при этом полноценной силы для захвата всей страны, оставшийся флот отбыл обратно в Корею. Погоревал, конечно, хан, но делать нечего. Через пару лет он построил новый флот – ещё круче прежнего. Это была поистине гигантская армада, не имевшая ранее аналогов в истории человечества. Да и после, вроде бы, такой большой не строили. Может быть, только во Вторую Мировую? Не помню, если честно. Но вот что помню точно, так это то, что монголы построили целых две тысячи судов! Да, да, вы не ослышались – две тысячи, сэр! Казалось бы, исход предстоящей битвы был предрешён. Но не тут-то было! Вдруг ни с того ни с сего происходит самое интересное. Ничто в этот раз не могло спасти Японию от завоевания. Но тут снова вмешалась сама природа! Как мы знаем со слов самих японцев, которым грозил полный разгром, страшный тайфун, который позже японцы окрестили «Камикадзе» снова полностью уничтожил флот монголов. Полностью, господа присяжные заседатели! Вы можете в такое поверить? А ведь в эту чушь вся армия мирового сообщества учёных всегда верила и до сих пор свято верит.

– И что мы в итоге имеем из наших монументальных исторических скрижалей? Получается, что какая-то часть уцелевшего боевого флота всё же была снесена ураганом к побережью Приморского края, к будущему Владивостоку?

– Нет, всё было совершенно не так. Я разработал собственную теорию, подтверждённую записями на храмовой стене, что именно нецелевая часть к нам прибыла. В том-то и дело, что не часть, а весь огромный флот хана и не направлялся ни в какую Японию. И, соответственно, не было никакого разрушительного тайфуна Камикадзе!

– В каком смысле не направлялся в Японию? Как это не было тайфуна? А летописи и свидетельства? – удивился Николай.

– Вот именно! В этом и есть вся историческая мистификация. Как говорится, слышим звон, да не знаем, где он. По моей гипотезе всё было вот как. Японцы, зная от своих шпионов, что на них надвигается великая армада боевых кораблей, ждали её высадки на берегу со своим войском самураев. Но в конечном итоге так её и не дождались. Я даже могу им простить тот факт, что, возможно, в тот период и был некий шторм на море. Но факт таков, что так и не дождавшись прибытия захватчиков, японцы затем узнали, что те назад в Корею также не вернулись. Призадумались над этим. В чём подвох, где флот захватчиков? А! Конечно! Нам божественный тайфун помог! Он всех захватчиков взял и потопил. Так и запишем в наших манускриптах для потомков. Но вся фишка оказалась вот в чём. Боевой флот и не направлялся в Японию! Ведь на откопанных скрижалях показан целым и благополучно прибывшим в нашу бухту огромный флот. И показано дальнейшее основание на этом месте поселения. Именно поселение, а не покорение территорий.

– И почему это вдруг они решили не завоёвывать Японию? Почему решили вместо них наш будущий край осваивать? Тут же и делать было нечего: никакой цивилизации.

– В том-то и дело, что никого завоёвывать, по крайней мере, здесь, они не собирались. Я считаю, что на самом деле было вот что. Возможно, изначально царственными монголами и планировался захват Японии, но по пути к месту назначения случилось несчастье. На борту их флагмана, одного из величественнейших кораблей в истории человечества, умирал по неизвестной причине тот, кого сам Великий Хан Хубилай назвал своим альтер-эго, а по совместительству – адмиралом своего флота. Ты спросишь, отчего это произошло? У меня пока ответа нет. Будем копать дальше. Возможно, его отравили недоброжелатели и завистники из ближайшего окружения. Как для простых солдат, так и даже для вельмож и военачальников это было нетривиальнейшее событие, знаковое событие. Далее, разумеется, ни о каком захвате территорий не могло быть и речи. Нужно было срочно искать место для лечения своего шефа, а в случае неудачи – для захоронения. Начали искать подходящее место. Судя по всему, посланными вперёд разведчиками было-таки найдено потаённое и доселе неизвестное поселение чжурчж-

эней. Поселение, находящееся в живописнейшем месте мира – нашем крае, которого в то время, разумеется, ещё не было на политической карте мира. Сам край физически, конечно, был, но назывался совсем иначе. Так вот, тут для меня начинается загадка: там отмечается возведение кургана, даже не кургана в нашем понимании, а целой горы. Но не в том загадка. Непонятно пока, как, но строительство велось в странных хронологических порядках. Оно длилось много лет и включало в себя множество этапов, но этапы эти проходили в разные времена. Не в разные годы, а в разные времена. Не пойму сам, поэтому пока воздержусь от комментариев. Аналогичных событий, описанных в литературе, по крайней мере, я не припоминаю. При этом адмирал был мёртв, но не в том смысле, что мёртв физически, а имелось в виду то, что они его потеряли. Как будто он был и одновременно не был на этом свете...

– Что-то я не пойму. Как это понимать – и был, и не был на этом свете? Что за мистическая чушь? Или, может быть, он в коме лежал? Без сознания, но живой?

– Погоди с выводами. Вот представь такую аналогию. Смотри, – Семён вытащил из кармана кошелёк, откуда достал старую серебряную монету. – На, погляди. Красивая?

– Ну да, прикольная, тяжёленькая. Явно старая и ценная. А документы на неё у тебя есть?

– Разумеется, я её в Москве купил, на аукционе. Но не в этом суть. А вот в чём. Представь, что я бросил эту монету далеко от берега в море. Вопрос: юридически она останется чьей?

– Как, чьей, твоей, конечно, – констатировал очевидный юридический факт Николай.

– А физически? – продолжил допытываться Семён.

– Ааа... Понял! То есть, он как бы остался с ними юридически. Типа, смерть его не была зафиксирована. Но физически пропал в неизвестном направлении. Правильно?

– Абсолютно верно! Он был на излечении от своей болезни в каком-то тайном месте в священной горе. Той самой горе, которая возводилась искусственным образом в разные времена. А оттуда исчез весьма тайным и непонятным образом. И при этом интересно: раз монголы не уничтожили всё местное население, а стали с ним бок о бок жить дальше, значит, местные виноваты в этом не были. А кто же тогда виновен в пропаже личного представителя Императора Востока? Загадка даже не столетия, а тысячелетия! Я тут пофилософствую немножко, недавно нахлынуло. Сидел, думал и набросал такую вот поэму, – Сёма достал из-за пазухи помятый листок бумаги, исписанный и исчерченный непонятными закорючками. – Вот, смотри, но это пока лишь моя теория, не больше...

«... И начинается судьба Иная, лежащая в иной плоскости временного континуума, которая внесла свои коррективы в происходящие события. Скрижали древнего храма говорят, что так и появился Он – Падший Бог, не с неба сошедший. Я считаю, что благодаря его появлению зародилась великая и могущественная Бохайская Империя, просуществовавшая несколько тысяч лет и куда-то исчезнувшая в средние века нашей эры. И это сопровождалось некими очень странными и совершенно непонятными для меня факторами. Я над этим работаю!»

– Но снова вернусь назад во времени. Путём дальнейшей расшифровки нюансов этих записей, посмотрев на всё это сквозь призму логики и малой доли скепсиса, мы всё-таки обнаружим, что основатель Бохая принёс им некий великий артефакт, судя по всему, дарующий многие блага. И многие народы, жившие вокруг, так же возжелали овладеть немислимым по значимости даром богов. На империю начались многочисленные мелкие набеги и крупные нападения врагов. Это зафиксировано очень чётко и недвусмысленно!

– Конечно: либо напали, либо нет.

– Точно. И правители Бохая, понимая, что оборонять Храмовую Гору, где хранился талисман, до бесконечности невозможно, приняли мудрое решение: огородить себя неприступной стеной, пролегающей через окрестные горные хребты. В течение нескольких десятков лет они возвели огромную стену вокруг своего государства. Чтобы вечно оборонять великую реликвию.

– Прямо как китайцы. Не всё они подделки делают, когда-то и за ними повторяли, – предпринял попытку пошутить Николай, но нарвался на очень серьёзное выражение лица Сёмы.

– А вот тут-то ты, друг мой, в корне неправ! Современные историки спустя много столетий эту Великую Стену назовут Китайской. Но это не так. Китайцы тут были в качестве договняющих!

– Да ну!

– Да, да. Я навёл справки у знающих людей. Почему-то эти самые ученые тактично стараются не замечать, что на самых древних и чудом не разрушенных, откопанных сейчас участках стены, к которым ещё не успели протянуть руки «реставраторы», боевые башни и бойницы были направлены в сторону Китая. Факт! Конечно же, первая Великая Стена после загадочного падения царства Бохай тысячу лет назад была разрушена и перестроена новыми хозяевами этих земель – китайцами. Они из её кирпичей и каменных блоков выстроили себе новую стену, уже под свои нужды. Но, как и бывает в жизни, всю правду скрыть, конечно же, не удалось, и древние, самые первые участки стены до сих пор попадаются в неприступных отрогах Сихотэ-Алиня.

– Преклоняюсь перед твоей проницательностью. Такие истории – это... эээ... Это как бальзам на душу!

– А то! В самой Поднебесной Империи тогда были достаточно суровые условия для жизни. И Китай в те времена был далеко не так силён, как в современности. Китайцы всегда стремились нападать на более благополучных и мирных соседей, у которых, к тому же, был замечательный климат и прекрасные условия для жизни, а за счёт чего это всё происходило, им также было хорошо известно. Это всё приписывалось реликвии, хранимой в Храмовой Горе в центре Бохайской Империи.

– А ведь после того, что ты сейчас рассказал, и я что-то стал припоминать. Что-то из прошлых моих мыслей, которые возникали в бытность мою учёным. Это было, когда я мечтал заняться диссертацией. У меня были в своё время смутные вопросы, которые со временем исчезли, под корень выкорчеванные критикой старших коллег. Я вспомнил, как мне в универе один старый профессор рассказывал, что в районе Третьей Рабочей в тридцатые годы шёл этап первичной реконструкции и последующей застройки. И вот там-то и нашли древнее захоронение. Они датировали его эпохой царства чжурчжэней. Но вся фишка была в том, что множество найденных в могилах предметов было классифицировано именно как культура средневекового монгольского периода, а ещё были такие, что даже выдавшие виды профессора репы чесать стали. Тогда этому не нашли логического объяснения и всё списали на торговые отношения. Дескать, чжурчжэни, как люди разумные и культурные, менялись товарами с монголами и вообще со всем миром. Ага, как же, подумал я тогда. Менялись, и об этом нигде нет сведений? И ещё. Тогдашние владыки этой части света – ханы в благородных порывах отдавали доспехи, оружие, украшения, боевую конскую сбрую и острейшие наконечники стрел? Между прочим, со слов того самого профессора, эти наконечники оставались острыми спустя восемьсот лет после их обнаружения. Так какими же они были в свою бытность?

– Вот-вот, начинаешь просекать суть исторически сложившихся вещей! Но вот за делами сиюминутными, к моему глубочайшему сожалению, уследить не можешь. Ай-яй-яй...

– Каюсь, исправляюсь сиюминутно! Девушка, можно нам светленького пиваса. Пожалуйста, повторите, но обязательно – светленького и прохладного. Кстати, мы уже созрели и до повторения ваших чудных колбасок. И картошечки тогда ещё добавьте. Гулять так гулять!

Гуляли в этот вечер друзья ещё долго. Были и споры, и догадки, и опровержения исторических «фактов». Всё это действие продолжалось далеко за полночь. И когда пенный напиток был готов уже выливаться из ушей, Николай сказал, что пора бы и честь знать.

Честь знать в любом случае бы пришлось, так как на следующий день они вместе собирались идти выкупать ту самую редкую японскую монету. Монету, которую Сёма всё-таки

заложил: наступил момент, когда вся имеющаяся в наличии денежная масса «приказала долго жить». Тогда Семён, которому стало «море по колено», по старой дружбе предложил в залог свою драгоценную монету администратору бара в счёт их гулянки. К тому моменту они перешли от относительно дешёвых колбасок к непозволительной, но очень вкусной роскоши – разным свеженьким морепродуктам и сочненьким стейкам. Вспоминать – одно удовольствие, прямо мёд на душу...

Восход тайны

Проснулся Коля рано утром оттого, что было очень холодно снаружи и очень муторно внутри. Вокруг простиралась туманная дымка. И непонятно было, то ли она в глазах, то ли в реальности. Ужасно хотелось пить и было очень неудобно лежать. Всё тело затекло и представляло из себя сплошной синяк.

«Опять, блин горелый, кровать забыл расправить и даже не разделся. Вот ведь по-свински-то как... Зачем было так нажираться? Никогда в жизни больше не буду пить с Сёмой. Вообще больше в жизни пить не буду».

Наконец, всё же окончательно раскрыв глаза, Коля обнаружил себя лежащим под каким-то забором в непонятном месте. Что примечательно, он лежал действительно в одежде и на матрасе. Судя по запаху, на этом матрасе не один бомж успел переночевать. И хорошо, если только переночевать.

Рядом лежала большая собака редкой породы двортерьер. И с первого взгляда можно было сделать однозначный вывод, что эта собака была очень довольна сложившимся положением вещей. Она лежала с крайне довольной мордой и дышала, высунув язык, явно показывая, что ей очень нравится новый сосед по матрасу.

Чуть поодаль можно было обнаружить написанное на заборе неприличное словосочетание, относящееся к органам внутренних дел, а также сообщение о том, что Цапля – чмо. А по соседству – даже такой секретный факт, что Цой всё-таки жив. Хотя Коля до сего торжественного момента был уверен, что это должно относиться к Элвису. Но в таких щекотливых вопросах можно и ошибиться, особенно в таком состоянии.

«Вот ведь пипец, дожил, что называется, до ручки: бухаю, бомжую под забором... И сон дурацкий приснился. Ханы какие-то на лодках плывут, коней с собой на пирамиде везут... Японский император с серебряной монетой в баре сидит... Стена какая-то со схемами... Брррр... Надо вставать и домой топать. А то увидит кто знакомый, стыда потом не оберёшься. Вот сплетен среди местных бабок будет: Колько-интилихент – да под забором валяется».

Николай с трудом привстал и оглядел себя: «Так, что тут у нас. Руки все в земле, видать, полз куда-то или выкапывал что-то. Или закапывал. Хорошо, что ногти чудом оказались целыми. Собака, аууу! Может, ты знаешь, как я здесь очутился? Чего хвостом машешь, нет? Ну и хрен с ним. Не такая уж и загадка века. Как-нибудь сам разберусь».

Попытавшись сесть поудобнее, Николай ощутил крайний дискомфорт в правой, как он про себя выразился, «полужопице».

«Блин-компот, что это за булыжник у меня в заднем кармане лежит? Наверное, теперь синяк будет. Может это я его ночью и откапывал, чтобы по пьяни с этой собакой воевать? Из-за него все руки и одежда в грязи. Так, глянем, что к чему... О, нормально. Хорошо, что не глядя не выбросил. Интересная, оказывается, штучка. Хотелось бы знать, где я её в потёмках сумел отыскать? Или отобрал у кого-то? Нет, на меня это не похоже, да и руки в грязи. Полюбому, откопал ночью».

В руке лежал небольшой, но довольно увесистый предмет сферической формы, весь покрытый странными надписями и значками непонятного содержания. Надписи были осязаемыми, как бы вдавленными, а сам предмет, можно даже назвать его талисманом, был очень

тёплым и приятным на ощупь. Материал, из которого был изготовлен талисман, напоминал до блеска отшлифованный камень, но при прикосновении он был как бы бархатистым. Такое сочетание визуальных и тактильных ощущений казалось очень странным и непонятным.

«А каким ещё ему быть, холодным и скользким, что ли? Я ведь, между прочим, пролежал на нём целую ночь и грел своим теплом. А с остальным я потом, на светлую голову разберусь».

Приняв для собственного успокоения такую гипотезу, Коля ещё раз осмотрел и ощупал себя. Видимых синяков и ушибов он не обнаружил, и даже то место, которым он лежал на «камне», как ни странно, не болело.

«О'кей, значит, живём дальше. А к одежде это, случайно, не относится, может, и она чистой окажется?» – сказав себе это, он попытался встать и к своему глубочайшему сожалению обнаружил, что одежда всё-таки была вся заляпана грязью, а местами даже порвана. Голова нещадно болела и кружилась.

«Побочные эффекты алкогольдегидрогеназы налицо. Вот!» – сказал Коля. Эта глубоко-мысленно прозвучавшая фраза, видимо, очень понравилась собаке: она снова радостно завиляла хвостом. «Ну вот, хоть кому-то стало хорошо и весело. Я бы тебя взял с собой, да у меня дома злой кот живёт», – соврал Николай собаке, прекрасно отдавая себе отчёт, что никакого кота у него дома нет. После этой фразы, как будто поняв, что ловить тут больше нечего, собака встала и убежала, продолжая всё так же радостно махать хвостом.

«Вот так после глупых фраз, произнесённых походя, и теряются настоящие друзья», – про себя произнёс Коля и неспешно отправился выяснять, где он находится и как ему выбираться из этой ситуации. Ещё раз ощупав карманы, он подтвердил свою догадку, что наличных с собой не было. Карточка в таком деле тоже не великий помощник, тем более, она тоже была пустой, как и карманы. «Так, что мы имеем на данный момент? Получается, что нынешняя ситуация не из приятных. Хоть вешай тебя на шею да иди и топись. Все ломбарды всё равно ещё закрыты, так что заложить я тебя не смогу физически. Шутка», – обратился Николай к своему новому приобретению – сферическому камню с надписями, который очень приятно уместился в ладони. Наверное, это была галлюцинация, но когда он произносил эти слова, ему показалось, что по загогулинкам и символам на непонятном языке проскочила яркая искорка. После чего Коля, протерев глаза, засунул талисман в карман и сказал: «Белочки только мне и не хватало для полного счастья».

Вдруг Николаю стало понятно, что он оказался в так называемом районе Жигура и направляется к трамвайному кольцу и той самой Третьей Рабочей, о которой вчера с Сёмой было столько разговоров. О чём только конкретно?

«Вот это тема! Это как же я здесь очутился? Это же мне надо было пилить сюда через весь город? Вот дурак, явно такси брал», – но ощутив, как гудят ноги, Коля понял, что топал пешком. «И зачем, собственно?» Внезапно он вспомнил вчерашний разговор. Весь, до последнего слова. Холодный пот предательски потёк по спине...

Долина Грёз

Так как внешний вид его оставлял желать лучшего, Николай решил добраться до дома пешком. А то в общественном транспорте ещё за бродягу примут. Доказывай потом своим сотоварищам, что ты вовсе не козёл, а овца, случайным образом заблудшая.

«Заодно и проветрюсь. Мозги по пути прочищу. Ведь верно говорят умные люди, что пешая прогулка ещё никому ни разу не навредила. В отличие от других ранее проведённых мною мероприятий возлиятельного характера».

Вынужденная утренняя прогулка длилась около получаса, и вот наконец-то показался родимый дом.

Последние лет пять, после того, как Николай накопил на первоначальный взнос в ипотеку, он жил в колоритном месте. А именно – в легендами и анекдотами овеянной «хрущёвской» пятиэтажке, довольно крепкой внутри и облупившейся снаружи. Но зато с балконами и видом на море! В былые времена этот дом был достаточно элитным, даже можно с уверенностью сказать – образцовым, о чём свидетельствовала каким-то чудом сохранившаяся старая табличка, прикрепленная на углу дома. Табличка свидетельствовала о том, что это строение является образцом советской культуры и быта. Сколько десятков лет прошло с того периода, когда на дом повесили эту табличку? Наверное, сейчас никто и не припомнит. Из старых жильцов, которые жили в доме в те времена, почитай, никого и не осталось, а те, кто остался, шибко дружат с зелёным змием. Общаться с ними для выяснения сей исторической тайны почему-то совсем не хочется.

Ещё в прошлом году на первом этаже в отдельно построенной каморке сидели донельзя вредные и принципиальные пенсионеры-вахтёры, как говорится, старой, сталинской закалки. Они, по умолчанию являясь серыми кардиналами дома, заметив нынешний вид Николая, непременно сделали бы ему строгий выговор с занесением в личное дело. И с последующим строгим осуждением на партсобрании! Вахтёры его и так не особо любили, а тут такая оказия. Хотя, если вспомнить, они никого особо не любили, поэтому местные алкаши со временем перестали оплачивать их услуги. Следом за алкашами перестали платить и пенсионеры, которые считали себя «кардиналами», а вахтёров – недостойными своих денег. Затем лавина неплатежей достигла того уровня, что «ночные директора» в итоге собрались и покинули свой бессменный пост.

Стоит отметить, что, в принципе, дом был совсем не загажен. Кое-где на подоконниках даже стояли настоящие живые цветы в горшочках. Стены были облупленными и грязными от времени, но никто специально их не портил, не покрывал неприличными надписями, поэтому о вахтёрах особо и не вспоминали. И уж тем более – не звали обратно.

Осторожно ступая по гулкой лестнице, не дыша, чтобы случайно не привлечь внимание соседей, Николай дошагал до четвёртого этажа и наконец-то очутился в своём собственном мире, с родными умывальными принадлежностями и ещё белоснежной на днях купленной простыней, так кстати постеленной на кровати.

Взгляд сам собой упал на пульт от телевизора, и палец по привычке очутился на кнопке «вкл». По одному из каналов началась реклама, которую Коля до этого не видел. В каминном зале во главе огромного стола, уставленного старинного вида серебряными столовыми принадлежностями, восседал чопорный английский лорд с лимонно-кислым выражением на лице. Напротив лорда за кухонной плитой, стилизованной под жаровню, стоял не менее чопорный лакей в ливрее и начищенных до блеска туфлях. Его мимика на сто процентов копировала мимику лорда. Лакей варил кофе в серебряной турке. Камера мельком скользнула по откупоренной пачке с ямайским «Blue mountain». Через секунду в турке начала образовываться аппетитная кофейная пенка.

Николая этот момент очень заинтриговал. Что будет дальше? Неужели наши телевизионщики научились снимать нормальную рекламу? Вдруг со страшным шумом и грохотом, пинком распахнув дубовую дверь зала, в помещение врываются три ополоумевшие девицы в одеяниях восточных наложниц, весь вид которых так и кричит, что они готовы и за чечевичную похлёбку продаться, следом за ними чинно ступает «альфа-самец» в снежно-белой рубашке и с жёлтым тюрбаном на голове. «Самец» начинает с порога орать на лакея: «Вы всё ещё кипятите? Тогда мы идём к вам!» и при этом достаёт из-за спины пачку с растворимым кофе «Чёрный Визирь».

С лица лорда тут же исчезают лимонные нотки, вместо них возникает блаженно-дебильная улыбка. Он вскакивает с места и как угорелый бежит к лакею. Подбежав, выхватывает у него из рук турку и выливает всё её содержимое в раковину. После этого крупным планом

показывают торжествующих девиц и лоснящегося от собственной значимости их предводителя. Завершается эта монументальная постановка тем, что на своём законном месте за столом сидит лорд и блаженно потягивает тёмную жидкость из чашечки. Рядом, за спиной, стоит лакей и, по-собачьи пригнувшись, смотрит из-за плеча лорда. Крупный план теперь показывает пачку «Чёрного Визиря». The end.

«Эээ... Дааа-с... Прекрасное, интеллектуальное зрелище. Хорошо ещё, что у меня желудок пустой, а то так и стошнить недолго. После такого мозгозашлаковывания, пожалуй, не буду терять время на приём пищи, а просто помывшись и почистив клыки полежу и подумаю над тем, что произошло. Надо будет в интернет залезть, почитать на специализированных сайтах. Про этот шарик надо будет попытаться информацию найти, наверняка, где-то подобный уже находили археологи. В нашем крае не так уж и много было археологических находок. Не в Египте живём».

Позже, всё-таки впихнув в себя бутерброд с сыром и колбасой, Николай открыл кухонный шкафчик и обнаружил стоявшую на полке нетронутую пачку «Чёрного Визиря», приобретенную намеренно по случаю распродажи. «Проверять что-то не хочется, да ладно. Выпить чашечку кофе нужно».

Открыв пачку и разведя в стакане с кипятком пару ложек «божественной амброзии» он, сделав пару глотков, по примеру лорда вылил всё в раковину: «Как будто отходы химической промышленности им некуда складировать, вот они их и продавать решили». После этого, выпив стакан минералки, прилёг на кровать: «Буквально на двадцать минут прилягу, а то дел много...»

***

Очнулся Николай в какой-то сказочной изумрудно-зелёной долине без понятия о том, где он находится.

На горизонте поднималось огромное оранжевое солнце, и вся местность начинала своё утреннее преображение. Оглядевшись по сторонам, Коля увидел, что долина лежит между двумя цепями изумрудных сопков, покрытых смешанным лесом. На склонах видны были как разлапистые ели, так и лиственные деревья вроде дубов и ясеней.

Среди заливных лугов протекала живописная река с кристально чистой водой. Река была не слишком широкая, но и ручьём её уже было не назвать. Классическая горная речка, которая, насколько хватало взгляда, вилась и петляла, неся вдаль свои хрустальные воды по этой прекрасной местности. Унося свои воды вдаль, она в дальнейшем, возможно, впадала в озеро или даже в море. Но в данный момент это было не так уж и важно.

Со всех сторон доносились различные звуки, приятные уху уставшего от техногенного шума улиц городского жителя. «Например, слева что слышится? Там явно водятся лягушки, значит, там находится болотце или прудик. Без вариантов. Уж больно сочно и ярко они выводят свои нестройные, но очень громкие дифирамбы», – восторгался новыми звуками Коля. – «А справа что мы имеем? Там, в непролазной с виду рощице, опутанной лианами винограда и кишмиша, видимо, просыпаются птицы и начинают свою утреннюю концертную программу. Это очень приятно слышать».

Странно было ощущать, как пахли деревья и остальная растительность, не зная даже, как можно её правильно назвать. Оказывается, не только цветы могут пахнуть, но и деревья, кусты и трава имеют свои собственные непередаваемые запахи.

«Интересно, какое сейчас время года? Поздняя весна, лето или ранняя осень? Почему-то кажется, что здесь может быть только вечная весна. Не ранняя, не поздняя, а именно вечная. Здесь не может быть зимы».

Память лихорадочно стремилась впитать в себя всё видимое и ощущаемое. Сохранить как можно дольше это множество запахов и внезапно нахлынувших чувств.

Коля вдруг обнаружил себя очень легко, с невероятной эйфорией бегущим вверх по живописной тропе, простиравшейся ввысь по одной из гор, обступавших долину с востока. Почему с востока? Непонятная уверенность подсказывала, что это точно восток долины.

Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь густую арку тропической растительности, окружавшей со всех сторон тропу. Они словно пронзали всё тело, как энергетические копья. Втыкались в плоть и разрывались миллиардами бомб, несущих в себе заряд самой жизни. Они как будто звали: «Скорее, скорее заберись к нам повыше, на тёплые склоны, к нам, на самую вершину!»

Гора манила, звала взобраться выше и выше. Изумрудная трава вокруг тропы сулила покой и безмятежность. Могучие деревья, опутанные лианами дикого винограда и колючками лесной малины, обещали предоставить свою защиту от любого негативного вмешательства извне.

Предаваясь нахлынувшим чувствам, даже не взбежав, а буквально взлетев на вершину, Николай вместо ожидаемой усталости от подъёма, наоборот, сразу ощутил небывалую лёгкость.

С площадки, где он очутился, открывался потрясающий своим первозданным величием вид на всю долину.

Было видно, что с гор, расположенных вокруг долины, в центральную реку стекали хрустальные ручьи. Слева простиралось озеро почти правильной круглой формы. По берегам озера бродили различные животные, пришедшие на утренний водопой.

В основной своей части, той, что находилось ниже предгорий, долина была совсем ровная и плоская.

Почему-то совершенно не было сомнений, что в основе всего этого буйства зелени лежал некий феномен. Феномен, какого не сыщешь во всём свете. Именно он заставлял долину буквально взрываться сочными цветами, ягодными кустами, тропическими лианами и величественными деревьями. Всё это выглядело неправдоподобно красиво и очень гармонично. «Почему вдруг неправдоподобно? Почему феноменально? Это мы в своё время уничтожили значительную часть природных ресурсов. Мы убиваем планету в погоне за своими мелкокопытными целями, а ведь, может быть, такая красота – это и есть абсолютная норма?»

Всю долину и окрестные холмистые горы устилала ковры из невероятных цветов и цветущих кустарников. На многих кустах виднелись ягоды, и почему-то не было сомнений, что эти ягоды вполне съедобны. Все эти растения росли на открытых лугах и полянах и тянулись к солнцу.

Неожиданно всё это буйство красок и жизненной энергии, буквально плескавшееся в восточной части долины, утыкалось в западные отроги гор, окружающих долину и отрезающих её от тумана, клубящегося за её пределами. Эти горы стояли на фоне угрюмого неба тёмной грядой, и выглядело всё это неприветливо и даже грозно.

То, что было за долиной на западе, вселяло непонятный иррациональный страх и вызывало неконтролируемое волнение. Объяснить логически это было сложно, эти ощущения возникали на подсознательном уровне.

Вдруг картина окружающего мира странным образом резко поменялась. Как именно это произошло, Николай уловить не смог. Как географически, так и в части растительного и животного мира всё осталось прежним, но неожиданно долина стала заселённой людьми. Сразу стало само собой понятно, что это было общество, жившее здесь много веков назад, а может быть, и много тысяч лет назад. Были видны отдельные дома, как монументальные каменные, так и более простые деревянные, а также множество других непонятных сооружений, среди которых отдельной строчкой выделялись прямо-таки каноничные мельницы с крыльями, с кото-

рыми не преминул бы сразиться и сам старина Дон Кихот. А центром всего этого служил старый город, какие изображались на картинах именитых мастеров Ренессанса. Его каменные постройки очень органично вписывались в окружающее пространство.

И во всём здесь чувствовалось неуловимое, но очень точное ощущение связи Востока и Запада.

На ум пришли образы каких-то давно забытых стихов:

Улететь бы к звёздам
Вопреки судьбе.
В солнце растворившись,
Прошептать себе:
Ты уже не призрак,
Ты уже готов –
В небо синей птицей
Поперёк ветров.
Опалиться звоном
Ритма высоты,
Обратиться в бога
Собственной мечты.
Неба хрупкий купол
Вдребезги разбить,
Доказав, что сердце
Рождено парить...
Научиться мыслить
Звоном пустоты
И навеки выйти
Из дверей судьбы.
Окунуться в ветер,
Как в речной поток.
Я почти как птица...
Я теперь как бог...

Николай стоял и не мог пошевелиться: дыхание перехватило, а чувства бурлили в нём, как самый неистовый водоворот.

На вершинах двух самых высоких сопок с обеих сторон долины симметрично по отношению друг к другу расположились две сторожевых башни. Совершенно разные, они были словно соединены радугой, которая протянулась через полнеба и упиралась основанием в одну из башен, а над другой терялась.

«Когда, интересно, дождь успел пройти? Вроде бы всё сухо. И даже почти облаков нет. Странно, но красиво...»

Эти строения не были в классическом понимании башнями, скорее, они напоминали старинные рыцарские замки, как и положено по законам фортификации, стоявшие на возвышенности и защищавшие долину от всех возможных нападений врагов.

Приглядевшись повнимательнее, можно было обнаружить одну интересную и нетипичную деталь. Замки были изящными внешне, даже можно сказать, по-восточному утончёнными. Но деталь заключалась в другом: в отличие от классических рыцарских европейских замков, строившихся из серых каменных блоков, эти замки-башни были построены из огромных очень качественно обработанных гранитных блоков разного цвета. Именно такие сооружения обычно описываются в фэнтези-романах, повествующих о войнах между мудрыми магами

и могучими драконами. «И вправду, если бы надо мной вдруг раздался шум крыльев, то в первую очередь возникла бы мысль не про птицу, а про полёт дракона».

Восточная башня была из блоков ярко-красного гранита. Почему-то сразу захотелось её окрестить Солнечной. Башня Света...

А башня, охраняющая западное направление, была построена из светлого гранита, а может, даже мрамора. Как-то само собой на уме возникло её имя – башня Лунного Света. Холодная башня...

***

Неожиданно возникло непреодолимое желание рассмотреть сооружения вблизи, а ноги сами выбрали направление в сторону башни Света, красиво подсвеченной солнечными лучами.

Путь, несмотря на кажущееся огромное расстояние, как оказалось в действительности, не занял много времени, и вскоре Коля уже рассматривал массивные кованые решётки на узких окнах-бойницах. Это зрелище было одновременно и пугающим, и манящим. Сколько же этот замок хранил тайн, накопившихся за много столетий и хранящихся в его залах, и особенно, как думается, в подвалах?

Можно было представить, как ночью в мрачных залах зажигается яркий свет факелов, и по коридорам гулкой поступью ходят рыцари в полном облачении, как по зубчатым стенам прохаживаются суровые стражники, вооружённые секирами и дальнобойными арбалетами.

Но днём постройки нисколько не пугали своей торжественной мрачностью. Они утопали в яркой зелени плющей и вездесущего дикого винограда.

Николай, осмотревшись на предмет нежелательного присутствия и не найдя ничего, что бы помешало ему зайти внутрь, вошёл в гостеприимно открытые двери, вмонтированные в основные огромные ворота.

Очувтившись внутри, он увидел прекрасный ухоженный сад с множеством растений разных сортов. Без всяких сомнений, все они были съедобными и могли послужить пищевым подспорьем в случае осады. Очень хотелось верить, что осада никогда не будет угрожать этому величественному и по-своему очень красивому строению. По крайней мере, сейчас ничего, что бы указывало на бывшие осадные и им подобные воздействия недругов, заметно не было. Все стены и внутренние дворики были предельно чистыми, отполированными и опрятными.

«А ведь я раньше думал, что в средневековье была жуткая антисанитария. По этому же месту такого не скажешь, здесь чисто, как в аптеке. Странно и необычно. И зелень, так много зелени. В основном, это овощи и фруктовые деревья, но всё равно очень непривычно такое видеть. Во всех фильмах про рыцарей всё показывается с точностью до наоборот. Может быть, потому, что это не Европа? Совсем другой менталитет у людей. Или люди совсем другие».

Замок с первого взгляда казался загадочным, величественным и одновременно опасным. Но с одной оговоркой: опасным он был для врага. Для друга он был своим, светлым и красивым. В своей истинной сущности он нёс какую-то особую ноту мистики, волшебства и теплоты, что ли.

Стоя на перекрёстке возле путевого указателя с надписями на неизвестном наречии, так и ожидаешь, что вот-вот, через секунду, из проулка выйдет царская стража в золотых доспехах. Выйдет, а увидев тебя, спросит подорожную грамоту. Прямо как у заезжего колдуна или странствующего рыцаря.

При таких мыслях стало как-то неловко себя ощущать вот так, в абсолютном одиночестве, стоящим на открытом пространстве. «А вдруг всё сейчас оживёт, и действительно появятся грозные стражи – хранители окружающего спокойствия и благоденствия? Что тогда делать? Или у меня есть подорожные документы? Увы, нет», – Николай, ощупав карманы, убедился, что никаких бумаг и свитков у него с собой не было. «Так, надо бы идти дальше, а то

мало ли... Спросят: «А что это вы здесь делаете? Пройдёмте-ка в отделение!» Тьфу ты, какое, нах, отделение...»

Вдруг что-то опять резко поменялось в восприятии пространства. Ощущение торжественности и таинственности от необычных экстерьеров сменилось на чувство щенячьего восторга. Оно возникло, когда Коля прошёл по извилистой вымощенной камнем дороге между уютными лавочками и ремесленными мастерскими. Дорога упиралась в массивную дверь в гранитной стене. Дверь была гостеприимно приоткрыта. Она как бы звала войти внутрь, что и поспешил сделать Николай, потянув за чугунное кольцо, отполированное множеством рук, касавшихся его. Сразу стало ясно, что этот путь пользуется популярностью у местного населения. «А вот с какой целью они туда ходят – попробую сейчас узнать».

За дверью оказался просторный холл, богато украшенный различными геральдическими элементами и расписанный всеми цветами радуги. «Очень глаз радует. Живенько так. Главное, что нет здесь вычурной показухи и излишеств. Просто всё так и должно быть».

В конце зала обнаружилась маленькая круглая комната, посреди которой находилась витая каменная лестница, стремящаяся вверх.

Разумеется, таким приглашением грех было не воспользоваться, и наш герой начал своё восхождение. Дело оказалось не таким лёгким, как могло показаться внизу. Лестница имела довольно крупные и высокие ступеньки и была очень крутой. Но всё когда-то заканчивается, закончился и этот, казалось бы, бесконечный подъём. «Этажей двадцать, а может, и выше, – промолвил Коля, тяжело дыша и еле стоя на ногах, – с ума можно сойти. Как это они умудряются сюда в латах и шлемах забираться? Вот где курсы по похудению устраивать нужно: забрался разок, и нате вам – минус три кило!»

Когда Николай поднялся до конца лестницы и открыл дверь, ему открылся вид на всю долину, от которого дух захватывало. Не меньше впечатляли мощь и могущество гранитных зубчатых стен, тянущихся по периметру всего комплекса. «Как, ну как такое можно было построить, имея в руках лишь зубило да кирку с лопатой? Железные были люди. Понятно теперь, как они взбирались по этой лестнице – в три шага, явно, взбирались! Атланты, не иначе».

Прислонившись к стене, он сразу ощутил ещё одну загадочную особенность оборонительного комплекса. По логике, казалось бы, от огромных каменных блоков должно было веять холодом, но нет: от них, наоборот, шло очень приятное тепло, и появлялось необъяснимое чувство уюта и комфорта. Замок уже вовсе не казался ни опасным, ни мистическим. Он казался Своим. Своим с большой буквы.

«Мой Замок. Солнечный Замок. Замок Дракона... А ведь я совершенно точно это ощутил. Тут когда-то жил дракон, сомнений быть не может. Настоящий, как в сказках. Либо это была некая великая личность с соответствующей аурой... Интересно было бы узнать.»

Узник Лунного света

Совершенно неожиданно чуть раньше возникшее ощущение идиллии резко оборвалось жутким скрипом отодвигаемой тяжёлой железной решётки. Затем Николай услышал гулкое коридорное эхо собственных шагов.

К своему глубочайшему разочарованию, Николай обнаружил себя шагающим по какому-то мрачному коридору со сводчатым каменным потолком. После нескольких минут блуждания коридор всё не кончался, казалось, что он становился ещё более запутанным, пустынным и длинным. По сторонам виднелось бесчисленное количество комнат, закрытых железными ржавыми дверьми, а путь по коридору освещался тусклыми факелами, от которых падали неровные блики на стены и потолок. Воздух был спёртым, полным дыма и копоти. На стенах сначала

изредка попадались странного вида картины и надписи, потом исчезли и они. Вокруг была лишь жутковатая пустота и эхо. Гулкое и нескончаемое эхо его поступи.

Изначальное назначение этих дверей оставалось загадкой: проверять, что внутри, совершенно не хотелось. Возможно, они вели в комнаты стражей замка, а может, это были тюремные казематы или кельи монахов, призванные приучить их к неприхотливости, смирению и покорности.

«Пусть это пока что останется тайной. А то открою дверь, а там крысы. Или ещё хуже – скелет какой-нибудь на цепи. А ещё хуже – скелет, а по нему крысы бегают. Бррр... Жуть!»

Минуя очередную дверь, Николай вдруг понял, что находится внутри второй сторожевой башни, которую он окрестил Башней Лунного Света. И сразу же после осознания этого факта перед ним возникла огромная железная дверь с железными ручками-кольцами.

Едва только Николай потянул за ближайшее кольцо, дверь неожиданно легко открылась. Взору предстал довольно большой каменный зал со сводчатым потолком. Стены и потолок зала были украшены причудливыми серебристыми узорами и росписями на непонятную абстрактную тему, очень мастерски выполненными. Создавалось впечатление, что это даже не краска, а настоящее серебро, расплавленное и разлитое по окружающему пространству. В углу находился дровяной громоздкий камин. В нём горел огонь, блики от которого отражались на расписных лишённых окон стенах причудливыми футуристическими картинами. Посреди зала стоял массивный деревянный стол со стульями. Мебель была выполнена достаточно грубо, но при этом отлично гармонировала с окружающей обстановкой. Поставь здесь хозяин этого места изящную мебель, она выглядела бы крайне неуместной.

Никакой геральдики, картин или оружия по стенам развешано не было, и это придавало атмосфере зала ещё больше загадочности, таинственности и объёма.

Побродив по безлюдному залу, будто покинутому хозяевами буквально пять минут назад, Николай, присмотревшись повнимательней, обнаружил едва приметную, видимо, потайную дверь, ведущую в подземелье. О том, что она ведёт в подземелье, можно было сразу же догадаться по холодному ветерку, который при открывании двери резко ворвался в тёплое помещение.

Глядя сверху на эту тёмную бездну, спускаться вниз Николай совсем не хотел. Но в конечном итоге любопытство взяло верх, и начался путь в открывшийся взору подвал замка.

Николай неспешно, крадучись пошагал вниз по достаточно широкой винтовой лестнице. В абсолютной тишине можно было слышать лишь звук капель воды, падавших на пол в лужи, затем стекающие в желоба по краям дороги. Этот звук падающих капель придавал ещё во сто крат больше таинственности и загадочности и без того очень мрачной атмосфере.

Как ни странно, света вполне хватало. Он как будто был повсюду, а вот откуда он брался, было не совсем ясно. Это явление было похоже на сцены из мистических фильмов, где видно всё вокруг, хотя герои идут по пещерным казематам. На съёмках освещение обеспечивают светорежиссёры, здесь же никаких режиссёров со светооператорами и в помине не было, а свет был. Тусклый и слабенький, но свет.

В этом колдовском свете, шагая вниз по лестнице, можно было представить себе очень ясную картину. Картину того, как по этому полу задолго до тебя, не обутыми в фирменные кроссовки, а босыми, закованными в кандалы ногами, чувствуя каждую неровность и шероховатость холодного каменного пола, проходят узники этой тюрьмы, сопровождаемые мрачными стражами в железных доспехах.

Коля к этому моменту уже нисколько не сомневался, что спуск ведёт в тюремные катакомбы. Он каждой клеткой своего тела прочувствовал всю ту безысходность и тьму, что испытывали люди из прошлого, которых Николай видел в своём воображении, поэтому все его мысли и чувства были приведены в крайнее напряжение, и ему уже начинало казаться, что это никогда не закончится. И что здесь сами стены отдают отголосками былых стенаний заключённых.

Совершенно неожиданно, когда Коля уже уверился, что это будет продолжаться вечно, взгляд упёрся в ещё одну железную дверь. В отличие от всех предыдущих дверей, за этой стали слышны какие-то приглушённые звуки. И не просто звуки, а вполне различимые голоса людей.

Николай, буквально физически чувствуя, как сердце готовится покинуть грудную клетку путём пробития в ней дыры, едва не свалился на мокрый пол. К тому же, ноги стали ватными, и он всё-таки присел на корточки – от греха подальше.

Минут через десять, которые по ощущениям длились часа два, сделав некое подобие дыхательной гимнастики, Коля немного успокоился. Затем любопытство всё же пересилило страх, и он не стал подниматься обратно в каминный зал. Хотя вначале чуть было не рванул со всех ног, благо, что ноги поначалу бежать отказались. Стараясь не дышать, он потихонечку подошёл и припал ухом к двери. Затем, немного освоившись с новой ролью шпиона, стал вглядываться в узкую щель, через которую виднелся коридор.

***

Перед массивной дверью, но не металлической, как те, что были в коридоре, а деревянной, стояли два охранника в полном облачении, включающем, естественно, шлемы, а также кривые то ли сабли, то ли мечи, висевшие у каждого на поясе. В сторонке на столе лежали два коротких копья с широкими наконечниками. Как по-научному называются эти копья, было неизвестно, но выглядели они внушительно.

Один из стражников, по внешнему виду более молодой, держал в руках письменные принадлежности: заострённую с одного конца металлическую палочку и какую-то пластину, скорее всего, свинцовую.

Более молодой охранник был явно писарем или подобным служащим. Он, прислушиваясь к малейшим изменениям в тембре и интонации голоса, доносившегося из тюремного помещения, практически просунул голову в узенькое окошко дубовой двери. Держа в свободных руках писало и специально выданную пластину для записей, он старался всё услышанное уловить и записать. Со стороны Николаю было хорошо видно, что вся эта затея стражу ничуть не нравилась.

– Шевели ртом, старый пень. Извлекай уже свои мудрёные мысли, – шептал писарь одними губами, практически про себя. – Давай же, утомил ведь совсем. Spина у меня скоро совсем занемет, а толку всё мало. За целые сутки ни одного нового слова. Я все твои пророчества уже наизусть выучил. Удиви, давай. Иначе зачем мне тогда писало дали?

– Не пойму, зачем Сотнику эти пророчества? Бубнёж этот мы который уже по счёту день слышим, а никакого толку. Я таких пророчеств и сам по пьяни могу наговорить сколько хочешь, – еле слышно, тоже почти про себя, прошептал второй охранник, стоявший рядом. Но в полнейшей тишине его слова оказались достаточно громкими, чтобы рассердить охранника-писаря.

– Эй, тише можно? Вдруг что-нибудь важное пропущу? И кстати, чтобы ты знал важность нашей работы. То, что мы тут торчим, это не сотнику, а самому Экзархиусу надобно. Он мне сам лично приказал. В общем, тсс...

Николай даже не увидел, а каким-то образом ощутил, что в углу небольшой, но, как ни странно, очень светлой камеры, находящейся в подземелье башни Лунного Света, сидел в позе лотоса седобородый старик и что-то шептал, при этом мерно раскачиваясь, будто пребывая в трансе.

Старик, казалось, был слепым. Его глаза были широко раскрыты, но никто ни разу не видел, чтобы старик моргнул либо перевёл взгляд в сторону. Он всегда смотрел только в одну, только ему известную точку. Даже когда его насильно кормили жидкой, но очень наваристой похлёбкой, он продолжал смотреть в эту точку.

Но на самом деле старик вовсе не был слеп. Это выяснилось, когда приходил учёный медикус и водил рукой перед лицом старца. Этот медикус определил, что зрачки реагируют на свет. Он выдал заключение, что, соответственно, старик не слепой, а только видит не этот мир, а что-то своё, невидимое всем остальным. Так как охране было абсолютно всё равно, в какие ещё миры смотрит старец, на этом и остановились. Смотрит, куда ему надо, да и шут с ним. Лишь бы не окочурился ненароком.

Второй охранник, тот, что стоял в качестве ассистента, опять не выдержал гнетущей тишины и произнёс:

– Ну, может быть, всё-таки иссякли мысли у старика. Чего ты так рвёшься да кипя-тишься? Может быть, всё оттого, что пора бы и пообедать? Скоро и старику похлёбку принесут.

– А знаешь, – на удивление дружелюбно произнёс писарь, – такой похлёбки, той, что кормят этого старца, я бы и сам не прочь был отведать. Видел бы ты, как её готовят. Целую перепёлку отваривают, затем мелко-мелко крошат. А затем с разными пахучими травами и даже земляными яблоками смешивают. Мммм...

Сказав это, писарь сглотнул слюну и вспомнил, что не ел с утра. И лишь на одну секун-дочку отвлекшись от работы, от воспоминаний сделал блаженное лицо, подняв взор вверх. Подумать-то о похлёбке он подумал, но стражник прекрасно помнил ту затрещину, которая досталась ему от сотника за попытку отхлебнуть чуть-чуть из котелка. Совсем чуть-чуть, а синяк-то до сих пор болит! Хорошо, что рёбра целы остались.

– Идиот! Совсем мозги потерял? Ты что же, хочешь в Дом Истины к жрецам-мозгоправам для особой инструкции отправиться? Встань, стой прямо и смотри на меня, кому говорю! Глаза не отворачивай, а то отворачивать нечего станет! – стал чуть ли не с пеной у рта кричать на писаря сотник, потрясая у него перед лицом пудовыми кулачищами. – Да ты хоть знаешь, что Видящий, если его не кормить и не ухаживать за ним, проживёт не дольше, чем пару закатов? Что мы тогда Экзархиусу скажем? Что тебе, сукиному отродью, похлёбки, собственноручно жрецами приготовленной, больно уж захотелось испробовать?

– Клянусь самим Солнцем! Не повторится никогда такое! Никогда не стану впредь пытаться даже... Клянусь. Клянусь, верой дедов наших клянусь!

После мыслей про похлёбку, с содроганием вспоминая этот малоприятный эпизод, охранник продолжал наблюдать за старцем. В его взгляде хоть и не было видно никакого дви-жения, но из его глаз прямо-таки била водопадом мудрость. Всем сердцем ощущалось, что он своим немигающим взглядом видел сквозь время, видел прошлые века, настоящее и само грядущее.

Это охранник давно понял и поэтому, начиная с той самой оплеухи от начальника, так добросовестно относился к своим обязанностям. Ему не надо было повторять, он теперь и сам кому хочешь, ну, кроме сотника, конечно, за этого Ведающего зубы повыбивает. Но, к слову сказать, иногда старик его весьма сильно доставал своими бесконечными повторами одного и того же. Как и происходило весь вчерашний и сегодняшний день.

«Как и раньше было, лишь Веды это знание ведают. Я тоже ведаю через века, но никто не ведает Её через Её сущность. В чертогах памяти и вещей снах грядущего мы видим лишь восход, восход Его. И лишь Он сам его понять может. В памяти снов и мудрости, как Ветра, так и нашего Солнца осталось наследие. Наследие присутствия Солнца Их. Тех, кто пришёл с небес, не быв на небе. То был Дар от Того, кто был Богом, при этом Богом не являясь, то был Дар. Дар Того, кто пал. Но не Дар это был, а Гнев...»

– «Это был дар того, кто пал. Он был богом, но богом при этом не был». О, это уже что-то появилось новое, так и запишем, – еле слышно прошептал охранник-писарь. – «Не дар это был, а гнев». Очень интересно!

– С самих небес пришли и к богам какое-то отношение имели? Уж не богохульником ли является стары...

– Тише, тише, – прошептал писарь. – Чего раскудахтался? Стой смирно да слушай. Мы ведь не жрецы? Что нам решать о богословских толкованиях? Тем более, он Вед! Ему, стало быть, видней.

Тем временем старик продолжал свой речитатив:

«Как птица Урхат, явившись, взывает к своему Предначертанию, так и Они, Люди Иные – Странники Неба, воистину с небес явились. Примчались вслед за Павшим и на огненной колеснице зывали ко Второму Солнцу! Чёрному Солнцу! Но не дано им было Их узреть. Павший был зряч, он позаботился о нём... Он мудр».

Николая, как и стражников поначалу, крайне удивило, что Ведающий говорил шёпотом, но звучало это так громко, как будто Первый глашатай зачитывает на площади Высший указ. Голос старца звучал словно прямо внутри головы. Но это можно было услышать только совсем рядом с дверью камеры. Снаружи камеры около противоположной стены уже ничего не было слышно. Несколько локтей, а такой эффект. Чудеса, да и только! Лучше даже и не пытаться понять. Не нашего ума дело... Со временем все привыкли. Хотя и теперь иногда мурашки по коже бежали.

Молодой писарь озвучил свои ощущения по этому поводу:

– Это такое чувство, как, например, когда в сабельный бой с очень сильным противником идёшь. Знаешь, что ты тоже искусен, но всё-таки есть сомнение: а вдруг? Те самые «муравьи» по телу начинают бегать... Интересно, как ему это удастся? Мне бы научиться такому мастерству, тогда меня даже в жрецы взяли бы. Вот бы спросить, да ведь не слушает и слушать не хочет. Уставился в одну точку да бормочет громче глашатая. Привыкну ли я когда-нибудь к этому? – в который уж раз сам у себя спрашивал и сам же себе отвечал писарь.

– Как птица? – вдруг ни с того ни с сего подал голос второй стражник. – Может, он это про горного орла говорит? Он тоже очень большой, я видел. И к своему хозяину тоже взывает, когда зайца поймает. Клепочет и крыльями машет.

– Но это только для людей подходит. Тут же явно речь идёт про некую огненную птицу, которую он называет Урхат. А это может быть дух, а может, и демон, которому поклоняются лишь люди из земель Нортгов. Из старых земель, про которые и говорить всуе нельзя. Мне эту легенду рассказывал ещё мой дед, а ему его, а тому ещё его дед. Представляешь, этой птице столько должно быть лет? Может, как самой Стражной горе, которая, по той же легенде, из огня появилась. А может быть, даже и больше. И вот ведь интересно: откуда только этот старик про неё узнал? Хотя... Он же Вед, ему и не такое известно, – на удивление спокойно выдал свою интерпретацию слов Ведающего старца писарь. – Но теперь – тссс! Слушаем дальше.

– Это было настолько давно? Да, чудеса, такого и в день Солнцестояния на городской ярмарке не услышишь, – искренне удивился напарник.

– На ярмарке? Скажу тебе больше: такого и в подвальчике дядюшки Вэна не услышаешь, выпив его знаменитую настойку из ... А, что он там опять? Тссс...

«Из тьмы веков слышу я Завет. Не легенда это и не быль. А лишь Истина! Истину не каждому дано понять, не каждый ощутит Благость Ведания. И не всякий сможет узреть, как светят не в небе Чёрные Солнца. Солнца, которые несёт на себе Великий Мо! Не каждый узнает, но каждый почувствует на себе. Благость, исходящую для всех. Благость, подаренную людям Павшим Богом... Предтеча гнева Иных, который...»

Неожиданно старик, начав очередную фразу, замолчал. Молчание продолжалось уже довольно-таки долго. Осмелев, более старший охранник продолжил задавать вопросы.

– Так вот, ты погляди. Уж не о том ли странном каменном монументе, найденном на месте Силы и том, что намедни жрецы в Храм привезли, старик свою речь ведёт? Не о нём ли особо прислушиваться велел Экзархиус?

– Да, это действительно интересно. Я быстренько запишу это. Это что-то новенькое пошло: «Чёрное Солнце не одно, их несёт на себе Великий Мо!»

– И про то, что кто-то гневается по этому поводу, не забудь записать. Я думаю, что это очень важно.

– Ага. Записываю. Старика, кажись, прорвало на новые истины. Уже неделю ничего нового не было, а тут про какого-то Великого Мо говорит. Может быть, это он и гневается?

– Я, между прочим, сам видел, как там, куда этого истукана привезли, что-то светится. Я тогда хозяйство Верховного Халдрамана охранял, а он там мерцал, между прочим, голубоватым оттенком! Как мантия Экзархиуса на солнце, вот! Но то в темноте было. Солнце не светило, и луны не было. Всё было за тучами. Что там мерцало, так и не увидел.

– А вот мне рассказывали жрецы, когда я грамоте и письму учился, что этот блин, похожий на загадочного зверя, должен светиться, когда вся сила гор и лесов перетекает и сливается с силой луны и неба, а может, и самого Солнца. Но в этом они до конца сами не были уверены. Кажется, они говорили, что однажды Огненный Бог скатился на своей колеснице прямо на Стражную Гору. И велел там построить храм. Там он собрал правителей и мудрецов со всех земель и островов, затем передал им Чёрное Солнце, которое выглядит, как камень, но камнем никогда не было. Оно давало силы для жизни всего на земле. Но если придёт зло из-за гор и заберёт этот камень из храма, то быть беде. Не будет равновесия в природной силе и наступит хаос. Вот что я слышал!

– А, теперь понятно становится, зачем Экзархиус хочет узнать, как этим камнем пользоваться. А то лежит себе век вечный на алтаре да светится иногда. Представь себе, если он научится силами всего мира и занебесья управлять?

– Думаю, что это не нашего ума дело.

– На самом деле, если своими словами передать то, что жрецы в свитках вычитали... Когда вручал мудрецам да правителям тот Бог Чёрное Солнце, то говорил, что сами, дескать, додумаете, как пользоваться им, не дети, вроде, спрячьте только получше его, сказал. И ускакал на своей огненной колеснице.

– Видать, чтобы Странники Неба не утащили. Говорят, что когда они в сияющих своих доспехах явились перед Первородными, те преклонились перед Странниками, а кто не преклонился – ослеп!

– Ха, ослепли? Да, видать, не все, ибо тогда бы не было среди нас знати, от Первых род ведущей. А про каменный символ нашего Солнца... Может, им так и надо пользоваться, как жрецы сейчас делают? Положить его в храме, да чтобы Верховный Халдраман со своими жрецами хороводы секретные водили? Ведь хмельная Вед-трава и впрямь стала в наших краях расти только после того, как Павший Чёрное Солнце подарил. Ведь, как легенды говорят, раньше только за золото да меха её покупали. Ещё виноградная лоза появилась после этого. И ещё много чего. То, что торговцы привозят, можно посадить, и оно всё вырастает. А с тех пор, как стену поставили, вообще стали жить, как в небесных садах!

– Да, я бы этого Павшего Бога в гузку бы за это до скончания века целовал. А интересно, почему тогда он стал Павшим? За что его Небесные Странники покарать хотели?

– Тоже в Башню захотел? Язык попридержи, дурень. Про богов, даже павших, так непочтительно не говорят. Ведь у стен есть уши. И ещё говорят, что у Халдрамана есть зеркало специальное, дальновидом называется.

– Точно, это я не подумавши сказал.

Тем временем, пока разговаривали стражники, монотонный сказ седобородого Веда продолжал литься ровным, размеренным речитативом:

«Узнают люди ту благодать, только если будут правильно жить и поступать правильно. Друг с другом. И чтить Павшего Бога! Он вернётся и не даст излишнему Гневу пролиться. Но не путайте правителей с Богами. Правителей не чтить надобно, а слушаться. Мудрый правитель лишь должен думать: правильно ли живёт его народ? И верно ли правят сами правители? И что правителям надо делать, чтобы народу хорошо жилось и чтобы Стена стояла несокрушимо?»

– Это же у него тоже новое изречение? Может, не будешь этого записывать? А то ещё схлопочем от начальства за вольнодумие. Правителей, старый дурак, говорит, не надо чтить! Скажут вдруг ещё, что мы сами бунтари!

– Нет, не бзди попусту. Нам-то ничего, кроме награды, за это не будет. Мне сам Экзархиус говорил: пиши всё, что услышишь. До последнего слова. А если хоть слово пропустишь, то... – и сделал ладонью выразительный жест по горлу. – Так что не бойсь...

...Бойсь... боииисъьиии... Ииии...

Знакомство с профессором

Коля подскочил с кровати как ошпаренный. Сон при этом как рукой сняло.

«Китайский пылесос, ёперная драма... Какого же лешего? Что это было? Если не явь, то я точно с ума схожу. Уж на что это было меньше всего похоже, так это на сон».

Запах сырости и другие ощущения от затхлого подземелья никак не отпускали органы чувств, а в голове шумело так, будто только что в ней Царь-Колокол отзвонил. Гул стоял невероятный. И ощущение пустоты... Крайне странное и неприятное, которое невозможно передать словами.

«Вроде протрезвел давно, а такая хренотень приснилась. Но стоп. А ведь сфера-то на самом деле есть, и я, кажется, видел на ней искорку. Или мне на Шепетуху прямая дорога, или на самом деле что-то здесь нечистое творится. Так, надо максимально сосредоточиться и попытаться всё поподробнее вспомнить, пока сон ещё не выветрился из головы. Срочно записать надо, а то забуду. Вспоминай, что там происходило, всё по пунктам. Чай, кофе и так далее – потом. Все мелочи важны.

Итак. Ручка, бумага, планшет. Усесться поудобней. Начну, пожалуй. Что-то там говорилось про какое-то странное солнце, кажется, оно звалось Чёрным. Надеюсь, это не отголоски долговременной памяти, берущие своё начало из этих дебильных анекдотов пионерлагерной молодости. «Африканский вождь Мумбасу Великий и Ужасный, наше Чёрное Солнышко, изволил принять ещё одного иностранного посла. На следующий день после этого приёма посол оказался в полной задни...» Ладно, хорош паясничать, несмешно и неполиткорректно. Сейчас надобно говорить «наше Афроамериканское Солнышко».

Но это всё не то, совсем не то. Тут что-то посерьёзнее, чем детская память. Вспоминай дальше. А дальше что-то было про Стражную гору и какую-то огненную птицу Урхат. И запомнил же. Был ещё верховный Экзархиус, жрецы. И ещё кто-то важный. Халдраман, кажется. Или он был верховным, а Экзархиус – просто большая шишка какая-то?

Так, всё, основное записал. В нюансах должностных отношений потом попробую разобраться. Сейчас надо про долину, город и башни хорошенько повспоминать. Самый тупой карандаш гораздо острее любой памяти. Готов это повторять и подписываюсь под каждой буквой. Всё важное – под запись.

А может, сделать наоборот, поступить гораздо проще: взять да и постараться забыть? А камень в ломбард или в антикварный магазин какой-нибудь отнесу. Хоть материальная польза будет. И никаких подвалов и колоколов в голове», – появилась на краю сознания крамольная и паникёрская мыслишка.

Но Николай тут же отбросил её в сторону, не давая укорениться и захватить стратегические плацдармы в его голове.

«Нет, ни в коем случае. Не пуржить тут, отставить эти дурные мысли. Надо срочно сделать вот что: Сёме позвонить да пообщаться на эту тему. Он в таких делах человек понимающий. Ему можно и душу, так сказать, излить. И гипотезу вполне разумную услышать».

Что и было немедленно сделано. Немедленно, но всё же после принятия порции яичницы с беконом и прохладного... Нет! Душа.

***

– Здорово, чувак! Как нервишки, как делишки? Не отупел ли ты ещё, грешным делом, со своими кисточками да лопаточками? – произнёс своё приветствие Коля, когда дождался окончания бесконечных гудков на линии.

– Да нет, всё пучком. Как и должно быть у статусного человека. Но ты не поверишь, какая мне хрень сегодня приснилась, – ответил Семён.

– Ну? – с некоторой настороженностью в голосе сказал Николай. Неужели эта катавасия не только у него в голове творится? – Давай, удиви старого друга. Со смиренным нетерпением стану твоим духовником.

– Ага, слухай сюда. Вообще, полный пипец, что творилось. Цельная Варфоломеевская ночь в мозгах. Про трижды грёбанные ваучеры и про мою не купленную на них «Волгу» приснилось. Можешь ты себе такое в двадцать первом веке представить? Не поверишь, даже пот холодный был. Я чуть было не впал в депрессию. Временную. Вот ведь же чё. Прав был дедушка Ильич, что с броневичка всем буржуйам люлей понадавал! Да-да, прав. А знаешь, что в этой ситуации единственное мне душу согревает?

– Таки скорее нет, чем, прямо-таки, конкретно да. Чего это тебе там греть может в том месте, где ничего и нет? По определению того самого дедушки Ильича, – с одесской интонацией ответил на вопрос вопросом Николай.

– А! А вот греет мне душу, которой, якобы, нет, сознание того, что давешнее пивко было действительно хорошо, дааа, было мне хорошооо... – вдруг резко, в своём привычном стиле, сменил тему разговора Семён. – Но кабак кабаком, а давай уже и про твои мыслишки покалякаем. Чего там у тебя нового успело случиться за столь короткий промежуток временного континуума? Как там говорится: обстановка в дружественном Гондурасе не изменилась? В ту самую сторону, куда уже некуда.

– Ты, конечно, удивишься, но в Гондурасе обстановка нормальная, его главное не чесать! А вот мне, между прочим, тоже сон странный приснился. Короче говоря, надо срочно побазарить с глазу на глаз. В приватной, так сказать, обстановке.

– Чего только не сделаешь ради друга. Говори, не томи старого и больного человека: когда и где будет назначено место встречи, которое изменить нельзя?

Через пару часов беседа продолжилась в том же баре, где и обрела начало эта история.

***

– Сразу же, пока не началось, хочу строго предупредить: сегодня только по кружечке, может, две. Но не больше!

– Не больше – это не... не меньше! Обижаешь. Кто я, по-твоему? Алконавт, что ли, какой? Сегодняшний я по жизненному кредо утончённый дегустатор. А во главе угла у любого настоящего дегустатора стоит то, что дегустаторы не излиществуют, а утончённо вкушают. Стало быть, как-то так.

– О'кей, поверю на слово. Приступим к нашим баранам, которые, к слову, уже копытом бьют. У тебя есть знакомые, кто в датировках разбирается, в старинных предметах соображает? Но скажу сразу: меня интересуют только реальные, настоящие специалисты. Допустим, те, кто сможет на глаз возраст предмета несомненной исторической ценности определить. У меня тут намедни одна вещица в шкафу нашлась. Надо бы взвешенно оценить её культурную и историческую, так сказать, ценность. И без излишней огласки. По крайней мере, пока что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.